This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

DK
73
.L22

B 833,273

О ГОДѢ СМЕРТИ

СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КІЕВСКАГО.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

Н. Ламбина, А. Куника и В. Васильевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12).
1876.

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARIES
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
1817

Lambin, N.

О ГОДѢ СМЕРТИ

СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КІЕВСКАГО.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ

Н. Ламбина, А. Куника и В. Васильевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 л., № 12).
1876.

DK
73
.L22

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Сентябрь 1876 г.

Непремѣнный Секретарь *К. Веселовскій.*

ACNS
LENINGRAD
V. LENINGRAD
18-80
13111-293

О ГОДѢ СМЕРТИ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА, ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ КІЕВСКАГО.

Замѣтка хронологическая къ «Каспію».

Статья Н. Ламбина.

(Читана въ засѣданіи Истор.-Филол. Отд. 13 апрѣля 1876 г.).

Извѣстно, что в. кн. Русскій Святославъ, принужденный, послѣ упорной борьбы съ Цимисхіемъ, покинуть завоеванную имъ Болгарію, погибъ на обратномъ пути въ битвѣ съ Печенѣгами у Днѣпровскихъ пороговъ. Но когда, въ которомъ году это было?... Наша лѣтопись указываетъ на весну 6480 года и затѣмъ говоритъ: «Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ», сынъ Святослава. Согласно съ этимъ показаніемъ, смерть Святослава доселѣ относили къ январскому 972 году; на томъ же самомъ основаніи, какъ и смерть Ярослава, послѣдовавшую также при наступленіи весны, въ концѣ мартовскаго 6562 года («въ суботу 1 поста, святаго Ѳеодора», которая въ этомъ году приходилась 19 февраля), относятъ по январскому лѣтосчисленію къ 1054 году, т. е. вычитаютъ изъ мартовскаго года 5508 при переложеніи его на январскій въ мѣсяцахъ январѣ и февралѣ; потому что въ эти мѣсяцы январскій годъ, считаемый отъ С. М., равенъ по номеру какъ сентябрскому, такъ и мартовскому. Но А. А. Куникъ держится, какъ видно, другаго основанія: въ его статьяхъ при «Каспіи» (Прилож. къ XXVI-му тому Записокъ Импер. Академіи Наукъ) смерть Святослава показана подъ 972 годомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ; а въ «Указателѣ къ статьямъ» (стр. 676,

имя *Святославъ*) авторъ ихъ беретъ назадъ свое показаніе, т. е. вмѣсто 972 года, якобы ошибочнаго, ставитъ 973-й, объявляя, что «ошибка произошла отъ неправильнаго исчисленія древнерусскаго мартовскаго года».

Хотя по нашему мнѣнію послѣдніе два мѣсяца, январь и февраль мартовскаго 6480 года непремѣнно должны принадлежать къ январскому 972 году, потому что въ этомъ году, а не въ 973-мъ, февраль мѣсяцъ имѣетъ 29-е число, добавочный день, которымъ мартовскій 6480-й високосный годъ долженъ былъ окончиться; но такъ какъ вопросъ объ отношеніи мартовскихъ годовъ къ сентябрскимъ и январскимъ, вызвавшій у насъ въ 1850-хъ годахъ весьма жаркую полемику, но не доведенный до окончательнаго рѣшенія, остается доселѣ спорнымъ, и не можетъ быть рѣшенъ въ немногихъ словахъ, то въ настоящей замѣткѣ лучше вовсе не касаться мартовскихъ годовъ, указанныхъ въ лѣтописи. Здѣсь и безъ нихъ не трудно опредѣлить годъ смерти Святослава по январскому лѣтосчисленію, руководствуясь извѣстнымъ и не подлежащимъ спору отношеніемъ сентябрскихъ годовъ къ январскимъ; ибо въ нашу лѣтопись внесена копія съ офиціальнаго акта, съ клятвенной записи Святослава, данной Цимисхію «въ Дерестрѣ, мѣсяца іюля, индикта въ 14, въ лѣто 6479». Если миръ былъ заключенъ въ концѣ іюля мѣсяца и если тогда же, или въ началѣ августа, т. е. въ концѣ 6479 сентябрскаго года Святославъ выступилъ изъ Доростола въ обратный путь и, не могши пройдти Днѣпровскихъ пороговъ, занятыхъ Печенѣгами, зимовалъ въ Бѣлобережьи, при устьяхъ Днѣпра, а съ наступленіемъ весны, вѣроятно въ концѣ февраля мѣсяца, снова двинулся въ пороги и палъ въ битвѣ съ Печенѣгами, то очевидно, что смерть его должна быть отнесена къ половинѣ XV индикта, или сентябрскаго 6480 года, слѣдовательно по январскому лѣтосчисленію непремѣнно къ веснѣ 972 года.

Отвергнуть это заключеніе можно не иначе, какъ обвинивъ нашу лѣтопись въ фальсификаціи акта, въ ошибочномъ указаніи индикта и года Святославовой записи. И разумѣется, у насъ за

этимъ дѣло не стало; появилась даже попытка наглядно объяснить происхожденіе предполагаемой ошибки въ актѣ, и исправить ее по указанію Византійца, какъ авторитета непогрѣшимаго. На эту-то попытку ссылается, подтверждая свою поправку, и А. А. Куникъ. «Впрочемъ (говоритъ онъ) И. И. Срезневскій уже другимъ путемъ доказалъ, что смерть вел. кн. Святослава должна быть отнесена къ 973 году. См. его изслѣдованіе о русско-византійской войнѣ, въ Изв. II Отд. Акад. Наукъ, т. VII, столб. 341—345».

Объ этомъ изслѣдованіи, появившемся уже въ 1858 году, мы доселѣ, надо признаться, не имѣли и понятія; потому что оно своимъ заглавіемъ: «Слѣды глаголицы въ памятникахъ X вѣка»— всегда какъ-то отталкивало насъ (можетъ быть и не однихъ насъ) вовсе не знакомыхъ съ глаголицею. Путь, которымъ И. И. Срезневскій пришелъ къ заключенію, что Святославъ погибъ въ 973 году—не новый: Левъ Діаконъ говоритъ (кн. VII, 9), что императоръ Іоаннъ Цимисхій, среди дѣятельныхъ приготовленій къ войнѣ съ Русскими, праздновалъ свой бракъ съ Ѳеодорою, дочерью Константина Багрянороднаго, во второмъ году своего царствованія, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и затѣмъ, проведя зиму въ столицѣ, съ наступленіемъ весны выступилъ въ походъ. А какъ Іоаннъ вступилъ на престолъ въ концѣ 969 года, 11-го декабря, то второй годъ его царствованія—971-й въ ноябрѣ мѣсяцѣ уже оканчивался. Значитъ, начавшаяся съ слѣдующей весны борьба его съ Святославомъ непремѣнно должна была происходить уже въ 3-мъ году его царствованія, т. е. въ 972, или въ сентябрскомъ 6480 году. Въ томъ же году она и кончилась въ іюлѣ мѣсяцѣ: 22-го или 24 іюля происходила послѣдняя битва при Доростолѣ, и на другой день заключенъ былъ миръ, скрѣпленный клятвеннымъ обязательствомъ Святослава, выданнымъ Цимисхію въ томъ, что онъ, Святославъ, будетъ свято хранить миръ съ Греками «до конца вѣка», и никогда впредь даже и не помыслитъ воевать какія-либо греческія владѣнія. Слѣдовательно, подлинная грамота этого, такъ называемаго, договора Святославова была

написана тотчасъ по заключеніи мира и въ ней непремѣнно значилось: «мѣсяца іюля..., индикта въ 15, въ лѣто 6480»; а въ такомъ случаѣ показаніе нашей лѣтописи, что договоръ писанъ «индикта въ 14, въ лѣто 6479», разумѣется, должно быть признано ошибочнымъ, и въ этой ошибкѣ можно винить или писца, снявшаго копію съ подлинника, или самого лѣтописца, внесшаго договоръ съ копіи въ лѣтопись [1]).

И. И. Срезневскій полагаетъ, что ошибочный индиктъ и годъ договора въ нашей лѣтописи могутъ быть объяснены вліяніемъ глаголицы, т. е. что подлинная грамота Святослава была написана глаголицею, а потомъ переписана кириллицею, и что при перепискѣ-то и произошли ошибки въ числахъ, отъ того, что нѣкоторыя цифирныя буквы глаголицы, имѣющія другое значеніе, чѣмъ соотвѣтствующія имъ буквы кириллицы, были прочтены невѣрно, были приняты въ значеніи цифирныхъ буквъ кириллицы, а не глаголицы. Но отъ чего бы не произошли эти ошибки, дѣло въ томъ, что мы необходимо должны признать ихъ дѣйствительно существующими въ лѣтописной передачѣ Святославовой записи, если, согласно съ показаніемъ Льва Діакона, примемъ іюль мѣсяцъ 6480 года за время заключенія мира. А вслѣдствіе этого, разумѣется, нельзя не признать ошибкою и показаніе лѣтописца,

---

[1]) Что наши договоры съ Греками внесены въ лѣтопись не съ подлинныхъ хартій, а съ офиціальныхъ копій, видно по единообразной надписи или заголовкѣ, которою всѣ они начинаются: «Равно другаго свѣщанья» и. т. д. Ибо въ этой фразѣ слово «равно» есть буквальный переводъ византійскаго канцелярскаго термина τὸ ἴσον, соотвѣтствующаго нашему *копія*, а «свѣщанье» такой же переводъ греческаго τὸ συμβόλαιον — *письменный актъ договора, договорная грамота* (см. *Н. А. Лавровскаго*: «О визант. элементѣ въ языкѣ договоровъ». Спб. 1853, стр. 43—45). Несмотря на это вполнѣ основательное объясненіе г. Лавровскаго, у насъ до сихъ поръ продолжаютъ понимать слова «равно другаго свѣщанья» въ томъ же смыслѣ, какой гадательно придавалъ имъ еще Татищевъ, т. е. будто бы они указываютъ на какой-то другой, предшествовавшій договоръ, согласно съ которымъ, или въ подтвержденіе котораго заключенъ между тѣми же лицами новый договоръ, начинающійся этими словами; а отъ такого ложного понятія, разумѣется, выводятся и заключенія ложныя. Для примѣра укажемъ на статью: «Борьба Святослава съ Цимисхіемъ»—*Е. А. Бѣлова*, въ Журн. М. Н. Пр. 1873, декабрь, стр. 192.

что Святославъ погибъ «веснѣ приспѣвши, въ лѣто 6480»; смерть его также необходимо должна быть отнесена уже къ веснѣ слѣдующаго, 6481 сентябрскаго, или 973 январскаго года.

Все это необходимо, совершенно вѣрно и безспорно, но только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, *если Левъ Діаконъ говоритъ правду*, т. е. если вѣрно его показаніе, что Цимисхій праздновалъ свой бракъ съ Ѳеодорою *во второмъ году своего царствованія, въ ноябрѣ мѣсяцѣ*. Доселѣ, сколько извѣстно, никто (кромѣ Черткова) не сомнѣвался въ вѣрности этого показанія, никто не считалъ даже за нужное провѣрить его разсмотрѣніемъ общаго хода событій. Но спрашивается, такой ли историкъ Левъ Діаконъ, чтобы можно было съ полною увѣренностію полагаться на непогрѣшимость его показаній тамъ, гдѣ другіе свидѣтели показываютъ иначе? Конечно, онъ, какъ современникъ и очевидецъ, по крайней мѣрѣ, многихъ описанныхъ имъ событій, авторитетъ весьма важный; но и другіе Византійцы—Кедринъ и Зонара, никакъ не могутъ быть оставлены вовсе безъ вниманія. Уже Чертковъ («Описаніе войны Святослава» и пр. Москва, 1843, стр. 257) не безъ основанія замѣтилъ, что «противъ одного Византійца, говорящаго, что походъ былъ предпринятъ на третій годъ царствованія Цимисхія, мы имѣемъ двухъ, свидѣтельствующихъ, что война начата во второе лѣто его державы, и къ нимъ должно причислить третьяго лѣтописца, нашего правдиваго Нестора».— Допустимъ, пожалуй, что Несторъ, при всей своей правдивости, могъ погрѣшить по невѣденію, но никакъ нельзя сказать того же о Кедринѣ и Зонарѣ: они, очевидно, знали исторію Льва Діакона и пользовались ею, хотя, вѣроятно, только въ компиляціи своего старшаго современника Скилицы, писавшаго въ исходѣ XI или въ началѣ XII вѣка, современно съ нашимъ Несторомъ. Газе, сличавшій, безъ сомнѣнія, исторію Кедрина съ манускриптомъ (неизданнымъ) Скилицы, говоритъ (Not. in L. Diac. ed. Bonn. p. 476), «что Скилица, котораго сочиненіе Кедринъ только переписалъ (exscripsit), черпалъ свои извѣстія не изъ одного только Льва Діакона, но и изъ другихъ источниковъ». Вѣроятно, и Зо-

нара также списывалъ свои извѣстія у Скилицы (такъ полагаетъ и Газе), или у Кедрина, съ исторіей котораго его «Анналы» весьма сходны и во многомъ даже буквально тожественны. Слѣдовательно, Скилица, источникъ Кедрина и Зонары, или нашелъ въ своихъ «другихъ источникахъ» болѣе вѣрное показаніе о годѣ войны Цимисхія съ Святославомъ, или прочелъ это показаніе у самого же Льва Діакона, но только по другой рукописи, болѣе исправной, чѣмъ та, единственная, дошедшая до насъ рукопись XI — XII вѣка, которую издалъ и комментировалъ Газе. При томъ же, и по этой рукописи у Льва Діакона вовсе нѣтъ прямаго, положительнаго указанія на *третій годъ* царствованія Цимисхія, какъ время войны его съ Русскими; это мы выводимъ только, какъ необходимое заключеніе, изъ его показанія о времени празднованія царской свадьбы. Но это показаніе, конечно, вѣрное у самого Льва Діакона въ подлинникѣ, могло пострадать подъ перомъ переписчика дошедшей до насъ его рукописи, а у Скилицы, компилятора позднѣйшаго, могло сохраниться вѣрно, хотя и въ сокращеніи. Вотъ почему и заключеніе о годѣ борьбы Цимисхія съ Святославомъ, вытекающее изъ этого показанія, но несогласное съ свидѣтельствомъ Кедрина и Зонары, т. е. Скилицы, не можетъ быть принято безъ провѣрки, въ силу одного только авторитета Льва Діакона, какъ современника. Слѣдовательно, чтобы рѣшить, кто правъ, Скилица ли (=Кедринъ и Зонара), или Левъ Діаконъ, разсмотримъ ходъ событій отъ вступленія на престолъ Цимисхія до той весны, когда онъ лично двинулся въ Болгарію противъ Русскихъ.

Іоаннъ, Цимисхій, убійца Никифора, вступилъ на престолъ 11-го декабря 6478 (969) года, индикта XIII, какъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ Византійцы, а Левъ Діаконъ указываетъ и недѣльный день этого событія—субботу, что совершенно вѣрно. Въ этотъ день, уже на разсвѣтѣ, во время 4-й смѣны ночной стражи, отрядъ отборныхъ воиновъ ходилъ по улицамъ столицы, провозглашая Цимисхія самодержавнымъ императоромъ, царствующимъ вмѣстѣ съ Василіемъ и Константиномъ, малолѣтними

сыновьями Романа II. Въ то же время самъ Цимисхій, на тронѣ въ Золотой Палатѣ дворца, издавалъ указы и повелѣнія, рѣшая участь родственниковъ и друзей погибшаго своего предмѣстника: братъ императора Никифора, куропалатъ Левъ Фока, съ сыномъ Никифоромъ, были схвачены и сосланы на островъ Лесбосъ; другой сынъ Льва, Варда Фока, начальствовавшій войсками въ Азіи, былъ смѣненъ и отправленъ въ заточеніе въ городъ Амасію, въ Каппадокіи; прочіе родственники Никифора и всѣ его друзья и приверженцы также лишились своихъ должностей и званій, а тѣмъ изъ нихъ, которые находились въ столицѣ, приказано было немедленно выѣхать и жить въ своихъ помѣстьяхъ. Всѣ высшія государственныя должности, въ столицѣ и въ провинціяхъ, замѣщены были новыми лицами, преданными Цимисхію; а чтобы столичная чернь, привыкшая въ подобныхъ случаяхъ (не рѣдкихъ въ Византіи) безчинствовать, расхищать имущество смѣняемыхъ чиновниковъ и мстить тѣмъ, которыхъ считала своими врагами, — чтобы чернь оставалась спокойною, разосланъ былъ по всему городу строжайшій указъ, грозившій смертною казнію всѣмъ бунтовщикамъ, нарушителямъ общественнаго спокойствія и грабителямъ чужой собственности. Такимъ образомъ, благодаря энергіи и рѣшительности Цимисхія, государственный переворотъ совершился (чему удивляется и Левъ Діаконъ) необыкновенно быстро и спокойно, безъ всякихъ волненій, и даже безъ кровавыхъ жертвъ, кромѣ одной. Но патріархъ Поліевктъ объявилъ, что не станетъ вѣнчать новаго царя, пока убійцы прежняго, кто-бъ они ни были, не будутъ открыты и наказаны.— Главнаго виновника преступленія, разумѣется, никто не посмѣлъ обвинять, ни даже назвать громко по имени; а онъ самъ, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе, указалъ на императрицу Ѳеофанію. Овдовѣвъ по смерти Романа II, эта «прекрасная Лакедемонянка», какъ называетъ ее Левъ Діаконъ, вступила въ бракъ съ императоромъ Никифоромъ, но вскорѣ охладѣла къ нему и сдѣлалась виновницею, или—вѣрнѣе сказать—орудіемъ его погибели, какъ слабая женщина, увлеченная хитрымъ честолюбцемъ. Она, какъ

убійца царя и супруга, была теперь сослана на одинъ изъ острововъ Пропонтиды; изъ прочихъ своихъ сообщниковъ Цимисхій выдалъ только одного, по имени Льва Валанта, какъ исполнившаго приказаніе царицы. Когда, такимъ образомъ, правосудіе было для виду удовлетворено—тотчасъ послѣдовало и коронованіе новаго императора, безъ сомнѣнія, въ томъ же декабрѣ мѣсяцѣ.

Такъ достигъ Цимисхій царскаго вѣнца, какъ видно, довольно легко и скоро; но за то много труда, много тяжкихъ заботъ и опасностей предстояло ему впереди. Во первыхъ, столица и многія области Имперіи въ послѣдніе три года царствованія Никифора страдали отъ голода, вслѣдствіе бывшихъ повсюду неурожаевъ. Въ столицѣ и ея окрестностяхъ это естественное бѣдствіе было еще усилено безсовѣстнымъ корыстолюбіемъ царскаго брата, Льва Фоки, который одинъ закупалъ весь хлѣбъ, привозимый въ столицу, и потомъ продавалъ народу по цѣнѣ значительно возвышенной. Это вопіющее злоупотребленіе, навлекшее на самого царя всеобщій ропотъ негодованія и проклятія бѣднаго класса народа, съ воцареніемъ Цимисхія, разумѣется, тотчасъ прекратилось; а вскорѣ затѣмъ, вслѣдствіе быстраго и усиленнаго подвоза хлѣба отвсюду, прекратились и бѣдствія, причиненныя голодомъ, чему не мало содѣйствовала и благотворительность новаго царя, щедрою рукою раздававшаго пособія бѣднымъ изъ казны царской и своей собственной. Во вторыхъ, великая и славная Антіохія, мѣстопребываніе патріарха, богатѣйшій изъ римскихъ городовъ въ Азіи, недавно только, оружіемъ Никифора, возвращенная отъ Аравитянъ, была снова угрожаема тѣми же врагами. Притомъ же она не имѣла и своего іерарха, ибо бывшій патріархъ Антіохійскій Христофоръ погибъ, во время господства Аравитянъ, смертію мученика за свою ревность къ христіанству. На его мѣсто императоръ предложилъ благочестиваго инока Ѳеодора, лично ему извѣстнаго, и патріархъ Поліевктъ посвятилъ его на престолъ Антіохійскій. Но спустя нѣсколько дней, послѣ рукоположенія Ѳеодора, умеръ самъ преста-

рѣлый Поліевктъ, около 13-ти лѣтъ управлявшій Церковью. Въ преемники ему императоръ назначилъ другаго святаго отшельника, Василія, съ юныхъ лѣтъ подвизавшагося въ пустынножительствѣ на вершинѣ горы Олимпа. Поставленіе его соборомъ епископовъ послѣдовало въ Недѣлю Православія, стало быть 13-го февраля 970 года.

Такъ какъ стремленіе Аравитянъ снова завоевать Антіохію было остановлено восточными легіонами подъ предводительствомъ патриція Николая, то главными и опаснѣйшими врагами Цимисхія въ это время оставались одни Русскіе.—Ихъ еще императоръ Никифоръ вздумалъ призвать къ себѣ въ союзники или въ наемники, чтобы ихъ оружіемъ подчинить Болгаръ своему скипетру. Но посланный для заключенія съ ними договора, патрицій Калокиръ распорядился иначе: вручивъ Святославу, велик. кн. Русскому, полученную отъ императора сумму (1500 фунт. золота), въ видѣ задатка отъ своего имени, и снискавъ его довѣріе и расположеніе, онъ предложилъ Русскому князю удержать, по завоеваніи, Болгарію навсегда за собою, поселиться тамъ и быть постояннымъ другомъ и союзникомъ Византіи, получая за то ежегодную дань или награду; сверхъ того обѣщалъ надѣлить его несмѣтными суммами изъ казны царской..., и все это за бездѣльную взаимную услугу — за то, чтобы Святославъ помогъ ему, Калокиру, низвергнуть Никифора и сдѣлаться императоромъ Византійскимъ. Предложеніе было заманчиво, и въ августѣ мѣсяцѣ 967 года пылкій и воинственный Святославъ, съ сильнымъ войскомъ, явился на берегахъ Дуная, разбилъ Болгаръ и въ короткое время покорилъ всю Болгарію (разумѣется Восточную, т. е. страну между Нижнимъ Дунаемъ и Балканами). Хотя въ слѣдующемъ году нападеніе Печенѣговъ на Кіевъ и заставило его воротиться на Русь, но не надолго: съ Печенѣгами онъ управился скоро и заключилъ миръ; а затѣмъ, подъ конецъ лѣта 969 года, по смерти своей матери Ольги (скончалась, полагаютъ, 15-го іюля), подѣливъ между тремя своими сыновьями всѣ непосредственно ему принадлежавшія владѣнія въ Русской землѣ,

опять отправился *въ свою уже Болгарію*, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ водвориться тамъ навсегда [1]). Болгаре, которые по его отъѣздѣ возстали и отложились отъ Руси, встрѣтили его теперь не съ хлѣбомъ и солью, а съ оружіемъ въ рукахъ, бились отчаянно въ продолженіе цѣлаго дня, но были разбиты и, жестоко наказанные за возстаніе, должны были снова подчиниться русскому господству. Поздно увидѣлъ свою ошибку императоръ Никифоръ, однако надѣялся еще поправить дѣло: началъ ласкать Болгаръ, подстрекалъ ихъ отложиться отъ Руси и всячески старался привлечь на свою сторону, а послѣ вторичнаго ихъ покоренія Святославомъ, обѣщался самъ, со всѣми силами, придти къ нимъ на помощь, но погибъ среди приготовленій къ походу.

Таково было положеніе дѣлъ въ Болгаріи въ то время, когда началъ царствовать Цимисхій. Понятно, что новому царю необходимо было во первыхъ обратить вниманіе на Русскихъ, какъ главныхъ враговъ, которые угрожали ему тѣмъ большею опасностію, что поддерживали дерзкаго честолюбца Калокира, искателя Византійской короны. — Чтобы показать полную готовность свою примириться съ ними на честныхъ и справедливыхъ условіяхъ, онъ отправилъ посольство къ Святославу и предложилъ уплатить Русскимъ по договору, заключенному между ними и бывшимъ царемъ Никифоромъ, все слѣдующее имъ вознагражденіе за усмиреніе непокорныхъ Мисянъ; но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они, получивъ полное во всемъ удовлетвореніе, мирно отправились на родину, оставивъ Болгарію, какъ область, издавна принадлежащую Византійской имперіи. На это Святославъ, разумѣется, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, т. е. предъявилъ съ своей стороны такія непомѣрныя, совершенно невыполнимыя требованія, которыя были равносильны отказу.

---

[1]) Святославъ, по показанію лѣтописца, говорилъ своей матери и боярамъ: «не любо ми есть въ Кіевѣ быти, хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть среда *земли моей*, яко ту вся благая сходятся»... (Полн. собр. лѣт. I, стр. 28).

И такъ, война съ Русскими была неизбѣжна и Цимисхій, конечно, предвидѣлъ это и безъ посольства, почему и распорядился уже заранѣе, чтобы передвинуть восточные легіоны въ Европу, подъ предводительствомъ магистра Варды Склира и патриція Петра. «Этимъ двумъ полководцамъ (говоритъ Левъ Діаконъ) императоръ приказалъ отправиться съ своими полками въ область, пограничную съ Мисіей, зимовать тамъ» и, слѣдя за движеніями непріятелей, охранять страну отъ ихъ набѣговъ. Варда Склиръ расположился въ Адріанополѣ (это мы знаемъ отъ Кедрина, позднѣйшаго компилятора, а современникъ Левъ Діаконъ не называетъ ни города, ни области!), откуда высылалъ мелкіе отряды къ сѣверной границѣ, для собиранія свѣдѣній о непріятеляхъ. Наконецъ, узнавъ, что многочисленныя полчища, состоявшія изъ Руссовъ, Болгаръ и Венгровъ (Кедринъ и Зонара прибавляютъ къ нимъ и Печенѣговъ), уже опустошаютъ Византійскія владѣнія и приближаются къ Адріанополю, онъ выступилъ къ нимъ на встрѣчу, хитро завлекъ непріятелей въ засаду и нанесъ имъ совершенное пораженіе: изъ 30-ти тысячъ непріятелей перебилъ болѣе 20-ти тысячъ, потерявъ изъ своего 10-ти-тысячнаго войска только 55 человѣкъ! У Кедрина и Зонары хвастовство еще колоссальнѣе.

Но когда одержана была эта великая побѣда? Когда вызваны были войска изъ Азіи? Когда происходили переговоры съ Святославомъ? — На хронологическія даты скупы всѣ вообще Византійцы, а Левъ Діаконъ въ особенности; у него не только нѣтъ никакого отвѣта на предложенные выше вопросы, но нѣтъ и намековъ на время событій, нѣтъ даже случайно пророненныхъ выраженій, по которымъ можно было бы, хотя съ вѣроятностію, угадывать къ какому времени, къ которому году относитъ онъ тѣ или другіе факты. Въ которомъ году, напримѣръ, вызваны были войска изъ Азіи? Изъ того, что имъ приказано было *зимовать* «въ области пограничной съ Мисіею», можно заключить только, что они были вызваны не весною и не лѣтомъ, а осенью, или въ началѣ зимы, вообще *на зиму*; но на которую зиму? На

ту ли, въ которую вступилъ на престолъ Цимисхій, или на слѣдующую, т. е. на зиму съ 970-го на 971-й годъ? — Вопросъ весьма важный, съ которымъ тѣсно связаны и другіе хронологическіе вопросы, вызываемые разсказомъ Льва Діакона. Если восточныя войска вызваны были въ Европу на зиму 970 — 971 года, то первое столкновеніе ихъ съ Русскими могло имѣть мѣсто или тотчасъ по прибытіи ихъ на зимнія квартиры, т. е. осенью 970 года, или по прошествіи этой зимы — весною 971 года; переговоры же съ Святославомъ происходили, какъ показываетъ Левъ Діаконъ, еще до прибытія войскъ изъ Азіи, слѣд. лѣтомъ 970 года, и если они производились такъ, какъ описываетъ Левъ Діаконъ, то могли, пожалуй, занять все лѣто; ибо на двукратную поѣздку изъ Византіи къ берегамъ Дуная и обратно какого-нибудь важнаго сановника, который, разумѣется, скакалъ не на курьерскихъ, на его частыя остановки въ пути, на аудіенцію у Святослава и на разныя непредвидѣнныя препятствія и проволочки, конечно, требовалось не мало времени. Но о чемъ же Цимисхій переговаривался съ Святославомъ? — Онъ требовалъ бездѣлицы: чтобы Святославъ, довольствуясь, какъ наемникъ, платою за оказанную имъ услугу, убрался во свояси изъ Болгаріи, древней византійской области, чтобы онъ самъ добровольно отказался въ пользу Византіи отъ своего завоеванія, отъ своей законной добычи! Хотя Святославъ уже съ перваго раза отказался на отрѣзъ, однако царь отправилъ къ нему еще второе посольство съ тѣмъ же самымъ требованіемъ, приправленнымъ только бранью и угрозами, на которыя Святославъ отвѣчалъ, разумѣется, тѣмъ же, т. е. грозился выгнать самого царя со всѣми Греками въ Азію, однако не спѣшилъ исполненіемъ своей угрозы. — Кажется, что у Льва Діакона Цимисхій и Святославъ, какъ будто, подражаютъ героямъ Гомера, которые также, выступая на единоборство, сначала крѣпко ругаются, грозятъ другъ другу изъдали, потрясая оружіемъ, а потомъ уже, сильно воспаленные гнѣвомъ, схватываются и дерутся. Впрочемъ, Цимисхій не вполнѣ подражаетъ древнимъ ратоборцамъ: тѣ бранятся, стоя другъ

противъ друга, въ грозной позиціи, вооруженные и уже готовые къ бою, а онъ, такъ сказать, лежа въ халатѣ, кричитъ Святославу: «пошелъ вонъ добромъ, не то выгоню, или убью до смерти!» Таковъ смыслъ рѣчи, переданной вторымъ его посольствомъ Русскому князю. Когда же въ отвѣтъ на это Святославъ погрозился, что самъ скоро явится подъ стѣнами Византіи и лично расправится съ нимъ, тогда только царь спохватился, что онъ еще въ халатѣ, и началъ поспѣшно вооружаться: набралъ себѣ особый полкъ, такъ называемыхъ, безсмертныхъ и вызвалъ войска изъ Азіи.

Спрашивается, если въ этомъ разсказѣ Льва Діакона (кн. VI, 8, 10, 11) о посольствахъ и вооруженіяхъ Цимисхія историческая правда? Не очевидно ли, что и двукратное посольство, и грозныя, напыщенныя рѣчи Цимисхія, и такіе же отвѣты Святослава — одна только риторика, пустозвонство, — фразы, а не факты? Въ дѣйствительности ничего этого не было, и не могло быть; посольство къ Святославу было отправлено, но только однажды (объ одномъ только посольствѣ упоминаетъ и Кедринъ, и Зонара), и непремѣнно въ то время, когда войска стояли уже во Ѳракіи, готовыя встрѣтить враговъ. Не имѣя подъ рукою достаточнаго войска, не приготовившійся къ борьбѣ, безоружный, Цимисхій никакъ не могъ требовать, чтобы гордый князь Русскій, принявъ отъ него наемную плату, какъ отпущенный съ работы поденщикъ, отправился домой и предоставилъ въ его полное распоряженіе покоренную русскимъ оружіемъ Болгарію — свою законную добычу, *свою землю!* Такое требованіе, преждевременно заявленное, было бы съ его стороны слишкомъ безразсудно и могло бы поставить его самого въ опасное положеніе. Что сталъ бы онъ дѣлать, еслибъ Святославъ, справедливо оскорбленный его требованіемъ, отвѣчалъ ему не словами, а дѣломъ, т. е. бросился бы прямо на Византію, чтобы свергнуть его и посадить своего царя—Калокира, котораго онъ уже обѣщалъ возвесть на престолъ, и который тогда, разумѣется, торжественно отрекся бы въ его пользу отъ всѣхъ правъ Византіи на Болгарію?...

Можетъ быть Цимисхій и удержался бы на престолѣ, но могъ ли онъ быть увѣренъ въ томъ? Къ чему же было накликать на себя опасность, раздражая грознаго врага преждевременно и безъ всякой для себя пользы? — Только вполнѣ вооруженный, готовый къ борьбѣ, могъ Цимисхій обратиться къ Святославу съ такимъ требованіемъ, которое для послѣдняго было равносильно вызову на брань. Слѣдовательно, если восточные легіоны были переведены въ Европу не ранѣе, какъ на зиму 970—971 года, то въ ту же зиму только, или слѣдующею весною долженствовало быть отправлено и посольство къ Святославу, который немедленно отвѣчалъ на это вторженіемъ своихъ полчищъ въ предѣлы имперіи. Стало быть, первое столкновеніе Русскихъ съ Греками при Адріанополѣ должно было происходить не ранѣе, какъ весною или лѣтомъ 971 года, т. е. почти въ половинѣ втораго года царствованія Цимисхія.

Но если такъ, если война Русскихъ съ Греками за Болгарію началась только весною или лѣтомъ 971 года, то что же дѣлали Святославъ и Цимисхій въ 970 году? Неужели они впродолженіе цѣлаго года, съ лишкомъ, ничего не предпринимали другъ противъ друга? Да возможно ли это! Возможно ли, особенно, со стороны Русскаго князя! Если Русскіе уже осенью 969 года, еще при жизни царя Никифора (что было ему извѣстно), окончательно покорили всю Восточную Болгарію, то неужели они съ тѣхъ поръ до весны 971 года все отдыхали, пировали и бражничали на своемъ новосельи? Неужели эти храбрые, неукротимые сыны сѣвера, живя на тепломъ югѣ и вкушая въ Дунайскомъ Переяславцѣ «вся благая», какія, по словамъ Святослава, сходились туда отъ всюду, уже совершенно переродились, облѣнились и изнѣжились, какъ войско Аннибала въ Капуѣ? Или, можетъ быть, самъ князь ихъ, какъ благородный рыцарь, считалъ дѣломъ безчестнымъ нападать, подобно разбойнику, на безоружнаго и, держась пословицы: «лежачаго не бьютъ», терпѣливо ждалъ, когда царю угодно будетъ встать и ополчиться! А почему же царь не ополчился раньше? Вѣдь онъ зналъ, что война съ

Русскими неизбѣжна. Что же мѣшало ему тотчасъ по вступленіи на престолъ, въ ту же зиму, если не въ декабрѣ, то въ январѣ мѣсяцѣ, перевесть свои полки изъ Азіи въ Европу? Или за хлопотами по избранію патріарховъ, недосугъ было подписать приказъ войскамъ, которыя, вѣроятно, уже его предшественникомъ были стянуты въ сѣверо-западныя области Малой Азіи, къ Геллеспонту, и ждали только приказа переправиться въ Европу! Ибо извѣстно, что императоръ Никифоръ обѣщалъ Болгарамъ придти къ нимъ весною на помощь, для изгнанія Русскихъ совокупными силами, и дѣйствительно, передъ смертію, готовился уже къ походу, слѣдовательно долженъ былъ имѣть и войска подъ рукою. По крайней мѣрѣ, изъ разсказа Льва Діакона не видно, чтобы войска, вызванныя въ Европу съ Вардою Склиромъ и патриціемъ Петромъ, были заняты чемъ-либо на востокѣ послѣ возвращенія (вѣроятно, въ августѣ 969 года) Антіохіи отъ Аравитянъ. Хотя эти враги и покушались послѣ, въ началѣ царствованія Цимисхія, снова завоевать утраченный ими городъ, но покушеніе ихъ было уничтожено войсками патриція Николая, которыя оставались въ Сиріи и были, какъ видно, достаточны для охраненія восточной границы. Да еслибъ, наконецъ, войска Варды Склира и патриція Петра и нужны были на востокѣ для борьбы съ Аравитянами, то спрашивается: гдѣ больше нуждался въ нихъ Цимисхій,—тамъ ли на востокѣ, или въ Европѣ? Что было для него важнѣе и необходимѣе — защищать ли Антіохію отъ Аравитянъ, или столицу и самого себя отъ Русскихъ?... Неужели возможно полагать, что восточные легіоны были переведены въ Европу не тотчасъ по вступленіи на престолъ Цимисхія, а только по прошествіи почти цѣлаго года, т. е. на зиму 970 — 971 года? — Но можетъ быть скажутъ, что войска обыкновенно размѣщались на зимнихъ квартирахъ осенью, не позднѣе ноября мѣсяца, и что Цимисхію, вступившему на престолъ въ декабрѣ, нельзя уже было передвигать ихъ, среди зимы, съ однихъ квартиръ на другія; это было не въ обычаѣ. Но вѣдь нужда и законы отмѣняетъ, не только обычаи. А развѣ можно утверждать, что раньше осени

970 года Цимисхій не нуждался для защиты себя и столицы въ восточныхъ легіонахъ? Вѣдь онъ, при вступленіи на престолъ, едва ли могъ, благодаря зимѣ, считать себя безопаснымъ отъ Русскихъ до слѣдующей весны, но ужъ никакъ не долѣе. Весною же Русскіе непремѣнно явились бы подъ стѣнами Византіи, еслибъ не были остановлены Вардою Склиромъ при Адріанополѣ; а вмѣстѣ съ ними, разумѣется, явился бы и Калокиръ — соперникъ, гораздо болѣе опасный для Цимисхія, достигшаго престола цареубійствомъ, чѣмъ для Никифора, котораго войско провозгласило императоромъ. Если Калокиръ дерзнулъ возстать противъ Никифора, прославленнаго блестящими побѣдами и завоеваніями, и любимаго войсками, то надо полагать, что онъ имѣлъ въ самой столицѣ тайныхъ друзей и сообщниковъ; иначе, едва ли бы онъ могъ разсчитывать на успѣхъ своего предпріятія съ помощію однихъ только Русскихъ. По воцареніи же Цимисхія, число приверженцевъ новаго искателя престола могло еще увеличиться: еслибъ только онъ съ Русскими явился предъ Византіей весною 970 года (въ слѣдующемъ году было бы уже поздно), то всѣ члены падшей правительственной партіи, всѣ недовольные переворотомъ, по всей вѣроятности, приняли бы его сторону, чтобы отомстить убійцѣ за смерть Никифора и воротить себѣ прежнее положеніе въ государствѣ. Этого, конечно, не могъ не опасаться Цимисхій, и потому необходимо долженъ былъ тотчасъ по вступленіи на престолъ, въ ту же зиму, вызвать восточные легіоны въ Европу, чтобы они, занявъ зимнія квартиры во Ѳракіи и Македоніи, преградили Русскимъ, въ случаѣ ихъ вторженія, путь къ Византіи, и были готовы весною сами идти на нихъ въ Болгарію подъ личнымъ его предводительствомъ. Это долженствовало быть непремѣнно первое распоряженіе Цимисхія въ отношеніи къ Русскимъ, и затѣмъ только (но никакъ не раньше) отправлено было посольство къ Святославу съ требованіемъ удалиться изъ Болгаріи; отвѣтомъ же на это требованіе было немедленное вторженіе Русскихъ съ ихъ союзниками и подвластными Болгарами въ Византіяйскія владѣнія и первое столкновеніе ихъ съ Греками близъ Адріанополя.

Всѣ эти событія, тѣсно связанныя между собою, должны были слѣдовать одно за другимъ въ продолженіе первыхъ 4-хъ или 5-ти мѣсяцевъ царствованія Цимисхія. Относить ихъ къ послѣдующему времени, къ зимѣ 970—971 года и къ слѣдующей затѣмъ веснѣ, рѣшительно нѣтъ никакой возможности, если не предположить, что въ продолженіи цѣлаго лѣта и части осени 970 года Цимисхій и Святославъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Калокиръ спали безпробуднымъ, богатырскимъ сномъ. Полагать же, что въ это лѣто, еще до вызова въ Европу восточныхъ легіоновъ, между Цимисхіемъ и Святославомъ шли дѣятельные переговоры о мирѣ — возможно только для такого политика, какъ Левъ Діаконъ. Если Цимисхій не могъ признать Русскихъ законными властителями покоренной ими Болгаріи, если онъ долженъ былъ требовать ихъ удаленія оттуда, то ему, собственно говоря, не о чемъ было и переговариваться съ ними; ибо онъ зналъ очень хорошо, что Святославъ не откажется добровольно отъ своего завоеванія, отъ добычи вполнѣ законной, по его понятіямъ, и что война съ нимъ неизбѣжна. Но зачѣмъ же онъ, въ такомъ случаѣ, посылалъ къ нему посольство, и даже двукратно, по словамъ современнаго историка? — Убѣжденный въ неизбѣжности войны съ Русскими, — войны тяжкой и упорной, которая потребуетъ многихъ жертвъ отъ народа, и зная, что этотъ народъ, — эти, такъ называемые, Римляне и римскіе легіоны крѣпко не любятъ войнъ и походовъ, особенно же походовъ въ Болгарію, памятную для нихъ столь многими бѣдствіями, императоръ долженъ былъ, сообразуясь съ миролюбивыми наклонностями своихъ подданныхъ, предложить миръ, чтобы имѣть потомъ право сказать вмѣстѣ съ народомъ: «не мы зачинщики; мы искренно желали отвратить войну миромъ на условіяхъ честныхъ и справедливыхъ, но упорный врагъ отвергаетъ ихъ и грозитъ намъ войною; мы по необходимости должны будемъ воевать съ нимъ, но наше дѣло правое, за насъ Богъ и правда!» — Вотъ для чего отправлено было посольство къ Святославу и, безъ сомнѣнія, въ то время, когда Варда Склиръ съ своими полками стоялъ уже въ Адріанополѣ, и

притомъ, отправлено было не безъ вѣдома войска и его начальниковъ; ибо императору необходимо было, чтобы войско знало о его готовности заключить миръ, и не роптало на него послѣ, какъ на виновника войны трудной и опасной.

Но здѣсь невольно останавливаетъ насъ какая-то странная путаница въ извѣстіяхъ современнаго историка этой войны. Разсказавъ о пораженіи Русскихъ и ихъ союзниковъ Вардою Склиромъ при Адріанополѣ и заключивъ свой разсказъ словами: «Такъ кончилось сраженіе», Левъ Діаконъ (кн. VI, 13. Бон. изд. стр. 111) совершенно неожиданно сообщаетъ еще новый приказъ императора, повелѣвающій какимъ-то азіатскимъ войскамъ (неизвѣстно, подъ чьимъ начальствомъ) «*скорѣе* переправиться черезъ Геллеспонтъ въ Европу, зимовать на поляхъ ѳракійскихъ и македонскихъ» и быть готовыми къ походу при наступленіи весны; ибо тогда императоръ самъ придетъ къ нимъ съ своими полками и лично двинется со всѣми силами на Русскихъ. О какихъ войскахъ здѣсь говорится? Неужели, кромѣ войскъ Варды Склира и патриція Петра, еще третье войско вызвано было изъ Азіи!... Куда же это войско дѣвалось, и куда дѣлся Петръ патрицій съ своими полками? Левъ Діаконъ отправилъ его, вмѣстѣ съ Вардою Склиромъ, «въ область сосѣднюю съ Мисіей»; но тамъ дѣйствуетъ одинъ только Варда, а по отозваніи его — магистръ Іоаннъ, о Петрѣ же патриціи, въ продолженіе всей войны, нѣтъ ни слуху, ни духу. Не его ли войска получили приказъ переправиться черезъ Геллеспонтъ и зимовать во Ѳракіи и Македоніи? Впрочемъ, какія бы не были эти войска, дѣло въ томъ: съ какой же стати упоминается о нихъ именно здѣсь, тотчасъ послѣ извѣстія о блистательной побѣдѣ при Адріанополѣ и предъ повѣствованіемъ о бунтѣ, вспыхнувшемъ въ Азіи, для подавленія котораго, разумѣется, туда надлежало въ это время переправить войска, а не отъ туда въ Европу? Какъ же согласить хронологически это показаніе о вступленіи азіатскихъ войскъ въ Европу съ извѣстіемъ о событіяхъ предыдущемъ и послѣдующемъ? Если эти войска вызваны были зимовать въ Европу, то они при-

шли, разумѣется, осенью или въ началѣ зимы; а потому надо полагать, что и непосредственно передъ тѣмъ описанное сраженіе подъ Адріанополемъ происходило также осенью и кончилось, притомъ, пораженіемъ Грековъ, ибо иначе незачѣмъ было бы вызывать съ такою поспѣшностію новыя войска изъ Азіи. Такъ дѣйствительно и заключаютъ изслѣдователи [1]), и это, повидимому, вполнѣ вѣрно и справедливо. Но если мы попытаемся согласить хронологически съ этими двумя фактами третій, непосредственно вслѣдъ за ними разсказанный у Льва Діакона, то необходимо придемъ къ совершенно иному заключенію о времени Адріанопольской битвы.

Войскамъ, пришедшимъ черезъ Геллеспонтъ въ Европу на зимнія квартиры, императоръ, по словамъ Льва Діакона (въ переводѣ Попова), велѣлъ объявить: «Когда послѣ зимней мрачности откроется весна и перемѣнитъ пасмурный видъ міра въ ясный, тогда я самъ съ своими полками къ нимъ буду и со всею ратію пойду воевать со Скиѳами». Этимъ Левъ Діаконъ оканчиваетъ 6-ю книгу своей исторіи, а слѣдующую начинаетъ словами: «Въ то время, какъ государь Іоаннъ готовился воевать съ Россіянами,»... и затѣмъ, почти до конца книги (§§ 1 — 8), разсказываетъ о возстаніи Варда Фоки и его сообщниковъ, вспыхнувшемъ въ Азіи, и о тѣхъ мѣрахъ, какими оно было подавлено. Значитъ, возстаніе началось весною, въ то самое время, когда Цимисхій, согласно заранѣе данному войскамъ обѣщанію, готовился уже выступить въ походъ противъ Русскихъ; для подавленія же этого возстанія тотчасъ отправленъ былъ въ Азію Варда

---

[1]) Гильфердингъ (въ «Собр. сочин.» т. I, стр. 149 и прим. 4) говоритъ, что «сраженіе подъ Адріанополемъ случилось несомнѣнно осенью 970 года», и догадывается притомъ, что въ этомъ сраженіи «побѣда была ничья». А г. Бѣловъ, въ указанной выше статьѣ (Журн. М. Н. Пр. 1873, декабрь, стр. 176), утверждаетъ, что побѣдили Русскіе, а Греки потерпѣли пораженіе, почему Цимисхій и вызвалъ тотчасъ, съ величайшею поспѣшностію новыя войска изъ Азіи. Къ тому же заключенію приходитъ и г. Дриновъ въ своей монографіи: «Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ». (Чтенія Моск. истор. Общ.) 1876 г., стр. 101 и слѣд.)

Склиръ, вызванный изъ Адріанополя, послѣ только-что одержанной имъ побѣды надъ Русскими. Приказъ о своемъ новомъ назначеніи онъ, по словамъ Кедрина, получилъ во время самаго сраженія. Когда же происходило это сраженіе подъ Адріанополемъ? Никакъ не осенью, а непремѣнно весною 970 года, именно въ ту самую весну, въ которую Цимисхій готовился лично начать борьбу съ Русскими, но былъ остановленъ извѣстіемъ о бунтѣ, начавшемся въ Азіи весною того же года, нѣсколько раньше Адріанопольской битвы. А войска, переправившіеся черезъ Геллеспонтъ, когда пришли зимовать на поляхъ ѳракійскихъ и македонскихъ? Конечно, не весною и не лѣтомъ, не послѣ сраженія при Адріанополѣ, а прежде, именно зимою, въ началѣ 970 года. Это, по всей вѣроятности, были тѣ самыя войска Варды Склира и патриція Петра, о переправѣ которыхъ въ Европу Левъ Діаконъ уже упоминалъ выше; но извѣстіе объ этомъ фактѣ, надо полагать, дошло до него въ двухъ разныхъ редакціяхъ, разумѣется устныхъ, которыя онъ принялъ, по ошибкѣ, за извѣстія о двухъ отдѣльныхъ фактахъ, и помѣстилъ одну редакцію прежде, а другую послѣ разсказа объ Адріанопольской битвѣ. Но, скажутъ, какъ же могъ онъ такъ спутаться, вѣдь онъ авторъ-современникъ, даже очевидецъ? Да, онъ жилъ во время событій, имъ описанныхъ; но когда онъ описалъ ихъ, когда сочинилъ свою исторію? — Никакъ не раньше исхода X вѣка. Хотя онъ довелъ ее только до смерти Цимисхія (976 г.), но изъ его вводныхъ разсказовъ (кн. X, 7 — 10) видно, что ему извѣстны были и взятіе Херсона Владиміромъ, и окончаніе послѣдняго бунта Варда Фоки, погибшаго въ 989 году, и другія событія исхода X вѣка. Значитъ, событія 970-хъ годовъ онъ описалъ только въ 990-хъ годахъ, если не позже, и описалъ такъ, какъ они въ то время представлялись въ его воспоминаніяхъ и какъ ихъ тогда разсказывали другіе свидѣтели. Скажутъ, можетъ быть, что онъ могъ пользоваться письменными источниками какими-нибудь, напримѣръ, записками своихъ современниковъ, или краткими замѣтками, сдѣланными тотчасъ послѣ совершившихся событій. Но

слѣдовъ подобныхъ источниковъ не замѣтно въ его сочиненіи, страдающемъ вообще недостаткомъ точности и отчетливости показаній. А самъ онъ не только нигдѣ не ссылается на какія-либо письменныя свидѣтельства, но, напротивъ, говоритъ въ предисловіи: «Я опишу здѣсь дѣянія послѣ него (Константина Багрянороднаго) случившія, которыя или самъ я видѣлъ, или узналъ отъ очевидныхъ свидѣтелей». Конечно, кое-какія письменныя показанія онъ долженъ былъ имѣть, ибо иначе не могъ бы съ такою точностію опредѣлить время вступленія на престолъ и смерти государей; но то несомнѣнно, что приказовъ Цимисхія войскамъ, или ихъ предводителямъ, вызваннымъ изъ Азіи, онъ не читалъ, а говоритъ о нихъ по чужимъ разсказамъ, и потому, очевидно, путается. Въ приказахъ не могло быть такихъ неопредѣленныхъ выраженій, какъ «отправиться въ область пограничную съ Мисіею», или: «зимовать на поляхъ Ѳракіи и Македоніи». Въ нихъ, безъ сомнѣнія, съ точностію было указано въ какихъ именно мѣстностяхъ долженъ расположиться, съ своими войсками, тотъ и другой полководецъ, и что онъ долженъ дѣлать до наступленія весны, когда императоръ самъ приметъ главное начальство надъ всѣми войсками и откроетъ наступательныя движенія противъ Русскихъ. Дотолѣ же обоимъ полководцамъ предписано было охранять ближайшія къ столицѣ Византійскія области—Македонію и Ѳракію, въ особенности же самую столицу отъ Русскихъ, въ случаѣ еслибъ эти сѣверные варвары вздумали (подобно варварамъ прежнихъ временъ — Гуннамъ) зимою двинуться на Византію съ Калокиромъ, чего Цимисхій при своемъ вступленіи на престолъ не могъ не опасаться. Посему надо полагать, что Варда Склиръ, вступившій съ своими полками въ Европу, вѣроятно черезъ Босфоръ Ѳракійскій, отправленъ былъ въ Адріанополь, чтобы охранять отъ враговъ Сѣверную Македонію, т. е. Адріанопольскую область, «пограничную съ Мисіей», а патрицій Петръ, переправясь черезъ Геллеспонтъ, вѣроятно занялъ зимнія квартиры въ мѣстахъ ближайшихъ къ столицѣ съ западной стороны, въ Родостѣ или, можетъ быть, въ Трояноплѣ, т. е. на предѣ-

лахъ между тогдашними Византійскими областями Ѳракіей и Македоніею, которыя, несмотря на свои громкія названія, обѣ помѣщались на весьма небольшемъ пространствѣ, именно въ юго-восточномъ углу прежней Ѳракіи, между Чернымъ моремъ и Архипелагомъ [1]).

Обратимся теперь къ возстанію партіи Фоки, такъ неожиданно разстроившему весною 970 года планы Цимисхія, и посмотримъ, на долго ли это дѣло задержало его отъ рѣшительной борьбы съ Русскими.

Главою и зачинщикомъ этого возстанія былъ Варда Фока, племянникъ погибшаго императора Никифора. Сосланный, какъ мы уже видѣли, въ Амасію, онъ бѣжалъ изъ заточенія и, на приготовленныхъ заранѣе перемѣнныхъ лошадяхъ, прискакалъ въ Кесарію Каппадокійскую. Тамъ въ короткое время собрались къ нему друзья и родственники, набрали войско, провозгласили Варда Фоку своимъ вождемъ и императоромъ, а Цимисхія, какъ цареубійцу и похитителя верховной власти, низложеннымъ съ престола. Вскорѣ открылось, что это возстаніе тайно поддерживалъ и отецъ Варды, Левъ Фока, заточенный, вмѣстѣ съ другимъ своимъ сыномъ, на островѣ Лесбосѣ. Намѣреваясь бѣжать изъ заточенія и дѣйствуя пока тайно черезъ Абидосскаго епископа Стефана, онъ искалъ себѣ убѣжища и друзей между *Македонянами* (подъ этимъ именемъ не разумѣются ли здѣсь войска, стоявшія въ Македоніи, т. е. на западѣ отъ столицы?), которыхъ старался, обѣщаніемъ богатства и почестей, склонить къ бунту, чтобы съ помощію ихъ низвергнуть Цимисхія съ престола. Такимъ образомъ пламя бунта грозило съ двухъ сторонъ охватить столицу въ то самое время, когда съ третьей, съ сѣверной, стремились къ ней Русскіе съ ихъ союзниками и съ Калокиромъ. Нельзя не согласиться, что весна 970 года была опаснѣйшею минутою въ жизни Цимисхія; но вѣрность и родственная преданность къ нему

[1]) Границы Болгарскихъ владѣній отъ Византійскихъ и положеніе византійской Ѳракіи и Македоніи того времени см. въ соч. М. С. Дринова: «Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ», стр. 79—81, 102 и слѣд.

полководца его Варды Склира (коего сестра была супругою Цимисхія, умершею не задолго до его воцаренія), равно какъ и личная его рѣшительность въ опасностяхъ и присутствіе духа, ни когда его не покидавшее, спасли престолъ его.

При первомъ извѣстіи о козняхъ Льва Куропалата, епископъ Стефанъ, вызванный въ столицу, былъ преданъ суду и, уличенный въ соумышленіи и въ тайныхъ сношеніяхъ съ мятежниками, лишенъ священства; а Левъ Фока и сынъ его, Никифоръ, не успѣвшіе еще бѣжать, были судомъ приговорены къ смертной казни, но императоръ даровалъ имъ жизнь, приказавъ только ослѣпить ихъ. Впрочемъ и эта казнь на сей разъ миновала ихъ, и была исполнена только въ слѣдующемъ году, послѣ вторичнаго ихъ покушенія овладѣть престоломъ (см. у Льва Діакона кн. IX, 3. 4). Но важнѣйшую, незабвенную услугу оказалъ Цимисхію полководецъ его Варда Склиръ, остановившій при Адріанополѣ стремленіе Русскихъ и ихъ союзниковъ; ибо эти враги вторгнулись въ Византійскіе предѣлы не для грабежа, и не для того, чтобы осаждать и брать крѣпкій Адріанополь; цѣль ихъ, очевидно, была другая: они шли на Царьградъ, чтобы низложить Цимисхія и посадить на престолъ Калокира. И еслибъ они только явились весною 970 года подъ стѣнами столицы, то въ ней, при тогдашнемъ броженіи умовъ, при множествѣ недовольныхъ недавнимъ переворотомъ, по всей вѣроятности, вспыхнуло бы возстаніе, ободрились бы и другіе честолюбцы, начались бы кровавыя сцены и положеніе Цимисхія, еслибъ онъ и удержался на престолѣ, сдѣлалось бы весьма опаснымъ. Какими средствами Варда Склиръ отвратилъ эту опасность, дѣйствительно ли онъ разбилъ непріятелей, какъ говорятъ Византійцы, или сами Греки потерпѣли пораженіе, какъ утверждаетъ наша лѣтопись — это дѣло темное. Но если бы Русскіе остались побѣдителями, то почему они не продолжали своего похода, не двинулись на Царьградъ, а воротились въ Болгарію, не достигнувъ своей цѣли? Не доказываетъ ли это, что перевѣсъ дѣйствительно былъ на сторонѣ Грековъ? Можетъ быть, впрочемъ, что этотъ перевѣсъ

пріобрѣтенъ былъ ими не на полѣ битвы, а послѣ, не оружіемъ, а ловкими переговорами, хитростію, золотомъ. Въ этомъ походѣ участвовали Венгры и Печенѣги, но послѣ о нихъ, впродолженіе всей войны, нѣтъ уже и помину; можетъ быть Варда Склиръ, послѣ сраженія, вступилъ съ тѣми и съ другими отдѣльно въ тайные переговоры и склонилъ ихъ деньгами и подарками, отстать отъ союза съ Русскими и воротиться домой. Тогда и Русскіе, которыхъ въ этомъ разноплеменномъ ополченіи было не много, оставшись съ одними Болгарами, разумѣется, не могли уже продолжать похода, а должны были по неволѣ возвратиться къ Святославу, который оставался въ Болгаріи. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но съ той минуты, какъ Русскіе двинулись отъ Адріанополя въ обратный путь, дѣло Калокира было проиграно, и онъ могъ уже навсегда распроститься съ своими мечтами о царскомъ вѣнцѣ.

Не менѣе важную услугу оказалъ своему государю полководецъ Варда и въ Азіи, куда онъ былъ отправленъ тотчасъ послѣ Адріанопольскаго сраженія. Такъ какъ оттуда всѣ войска, кромѣ охранявшихъ важнѣйшія крѣпости, были выведены въ Европу, то бунтъ сначала весьма быстро усилился тамъ; къ нему пристали всѣ родственники и друзья древняго, многочисленнаго дома Фоки, господствовавшаго при Никифорѣ, а теперь падшаго, и потому враждебнаго Цимисхію, пристали всѣ недовольные своимъ положеніемъ, всѣ честолюбцы — искатели чиновъ, почетныхъ званій и выгодныхъ должностей. Многіе города и селенія, оставаясь безъ защиты, также должны были по неволѣ пристать къ мятежникамъ, потому что послѣдніе, свободно расхаживая повсюду, грабили имущество и жгли жилища всѣхъ тѣхъ, которые отказывались признавать ихъ вождя Варда Фоку императоромъ. Но успѣхи ихъ были не продолжительны. Варда Склиръ, переправясь черезъ Босфоръ Ѳракійскій въ Азію, «собралъ войско въ городѣ Дористолѣ (?) и ежедневно обучалъ его воинскимъ дѣйствіямъ». Изъ этихъ словъ Льва Діакона видно, что Варда Склиръ оставилъ свои легіоны въ Европѣ и одинъ, или только съ отря-

домъ старыхъ, опытныхъ воиновъ, болѣе или менѣе значительнымъ, переправился въ Азію, гдѣ, для предстоявшей войны съ мятежниками, собралъ ополченіе изъ мѣстныхъ жителей и, ожидая прибытія ополченцевъ изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей, занимался нѣсколько времени обученіемъ тѣхъ, которые изъ ближнихъ мѣстъ раньше пришли къ сборному пункту. Когда же все ополченіе собралось къ нему и устроилось, тогда онъ, отправивъ сперва увѣщательную грамоту къ предводителю мятежниковъ, направился къ мѣсту ихъ тогдашняго расположенія, гдѣ-то близъ города Дипотама (?), вѣроятно въ Каппадокіи, и не въ дальномъ отъ нихъ разстояніи укрѣпилъ свой лагерь.—Не успѣвъ ни совѣтами, ни убѣжденіями склонить къ покорности главнаго мятежника—самого Варду Фоку, котораго жалѣлъ, какъ своего родственника (сестра Фоки была въ супружествѣ за братомъ Склира, патриціемъ Константиномъ), царскій военачальникъ, согласно съ данными ему инструкціями, обратился къ его соумышленникамъ, вступилъ съ ними въ тайныя сношенія черезъ лазутчиковъ, и далъ имъ понять, что онъ, имѣя неограниченное царское полномочіе карать и миловать виновныхъ, не только готовъ даровать совершенное прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые отстанутъ отъ бунта и, признавъ власть законнаго государя, перейдутъ на его сторону, но даже и наградитъ ихъ еще царскими грамотами и патентами на тѣ чины и почетныя званія, какихъ они добиваются мятежемъ, но какихъ ни когда этимъ путемъ не добьются, а навѣрное погибнутъ вмѣстѣ съ вождемъ своимъ, если будутъ упорствовать въ своемъ безуміи. Этого объявленія было достаточно, чтобы парализировать все дѣло возстанія. Привлеченные къ бунту однимъ только суетнымъ честолюбіемъ, сообщники Фоки стали одинъ за другимъ тайно уходить отъ него, перебѣгая въ царскій лагерь. И когда, такимъ образомъ, всѣ главные сообщники покинули его, тогда и самъ онъ, видя свое дѣло невозвратно погибшимъ и опасаясь возстанія собственнаго войска, бѣжалъ ночью изъ своего лагеря, съ тремя стами преданныхъ ему воиновъ, и заперся въ одной крѣпости—«Антигусъ или, такъ называемая, *Крѣпость тиранновъ*»—

которую онъ еще прежде имѣлъ предосторожность укрѣпить на всякій случай, и снабдить съѣстными припасами. Но въ этомъ жалкомъ убѣжищѣ, осажденный царскимъ войскомъ, онъ могъ, и то не долго, спасать только жизнь свою — свое бѣдственное существованіе, безъ всякой надежды на что-либо лучшее въ будущемъ; а потому, когда Варда Склиръ далъ ему честное слово, что государь помилуетъ его и не причинитъ никакого вреда его жизни и здоровью, — онъ тотчасъ вышелъ изъ крѣпости, съ женою и съ дѣтьми, и отдался въ его распоряженіе. Императоръ, обрадованный столь успѣшнымъ подавленіемъ дерзкаго бунта, повелѣлъ своему полководцу «постричь Варда Фоку въ монахи и отправить на островъ Хіосъ вмѣстѣ съ женою и съ дѣтьми; а самому со всѣми войсками переправиться черезъ Геллеспонтъ въ Европу и расположиться тамъ на зимнихъ квартирахъ», объявивъ, притомъ, и въ этомъ приказѣ, что, съ наступленіемъ весны, онъ самъ лично двинется со всѣми своими силами противъ Русскихъ.

И такъ, этотъ бунтъ, начавшійся весною 970 года, въ теченіе лѣта былъ совершенно подавленъ, и осенью войска съ военачальникомъ возвратились уже въ Европу на зимнія квартиры. Между тѣмъ, въ продолженіе этого лѣта Русскіе, господствовавшіе въ Болгаріи, сидѣли не безъ дѣла: они производили частыя, губительныя вторженія въ византійскія области, жгли и грабили города и селенія, особенно же опустошали Македонію — область сосѣднюю съ Болгаріей. Кратко и, какъ бы, не-хотя, мимоходомъ упоминая объ этихъ бѣдствіяхъ отъ русскаго оружія, Левъ Діаконъ (кн. VII, 9) приписываетъ ихъ бездарности и нерадѣнію начальствовавшаго послѣ Варды Склира войсками въ Адріанополѣ магистра Іоанна, «человѣка — по его словамъ — чрезмѣрно преданнаго лѣности и пьянству». Этимъ онъ невольно сознается, что въ то время перевѣсъ на театрѣ войны былъ на сторонѣ Русскихъ, что царскія войска или терпѣли пораженія—если выступали въ открытое поле, или сидѣли въ своихъ укрѣпленіяхъ, предоставляя Русскимъ безпрепятственно грабить и раззорять менѣе защищенныя мѣстности. Къ этому-то времени, къ лѣту 970 года,

могутъ относиться и разсказы нашей лѣтописи о побѣдахъ Святослава, который «поиде ко граду, воюя и грады разбивая», и объ униженіи царя, который, будто бы, молилъ своего врага: «не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши»; ибо Святославъ (прибавляетъ лѣтописецъ) «за маломъ бѣ не дошелъ Царягряда». Въ это время Цимисхій, что бы усыпить Святослава и отклонить его отъ похода на Царьградъ, дѣйствительно могъ посылать къ нему посольства съ богатыми дарами, могъ манить его обѣщаніемъ уступки Русскимъ Болгаріи и платежа имъ дани, какъ друзьямъ и союзникамъ Византіи; пожалуй, могъ даже, какъ говоритъ наша лѣтопись, уплатить обѣщанную за годъ дань, получивъ которую Святославъ »и възвратися въ Переяславець съ похвалою великою» и съ твердою увѣренностію въ скоромъ заключеніи окончательнаго мира.

Все это—и неудачный ходъ войны, и бѣдствія раззоряемыхъ областей, и необходимость прибѣгать къ недостойному обману, хитрить съ торжествующимъ врагомъ, льстить и унижаться передъ нимъ — конечно, должно было сильно огорчать и выводить изъ терпѣнія гордаго царя. Охотно полетѣлъ бы онъ самъ на поле битвы, чтобы личнымъ присутствіемъ ободрить свои оробѣвшія войска и мечемъ остановить дерзкія вторженія враговъ, но руки у него были связаны: бунтъ въ Азіи, отвлекшій туда часть его войска, съ единственнымъ надежнымъ полководцемъ, приковывалъ его самого къ столицѣ, гдѣ въ то время много было безпокойныхъ головъ, недовольныхъ переворотомъ и готовыхъ поднять волненія, и гдѣ, потому, личное его присутствіе было необходимо при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Ему надлежало дѣйствительно *сидѣть* ipso facto на престолѣ, чтобы не лишиться его. Но лишь только пришло извѣстіе о подавленіи бунта, тотчасъ, съ кипучею дѣятельностію, начались приготовленія къ рѣшительной борьбѣ съ Русскими, на которыхъ императоръ рѣшился теперь, какъ и писалъ онъ своему полководцу, *съ наступленіемъ весны* обрушить всѣ силы имперіи подъ личнымъ своимъ предводительствомъ.

Которая же весна его царствованія здѣсь разумѣется? Неужели третья, т. е. весна 970 года?... А куда же, въ такомъ случаѣ, дѣвалась вторая, или первая весна его царствованія, т. е. весна 971-го или 972-го года? Одной которой-то изъ нихъ мы никакъ не досчитаемся, если за начало борьбы Цимисхія съ Русскими примемъ весну 972 года, ибо раньше этой весны у Льва Діакона упоминается только одна весна Цимисхія, именно та, въ которую онъ намѣренъ былъ и уже готовился выступить противъ Русскихъ, но былъ задержанъ бунтомъ, вспыхнувшимъ въ Азіи, и въ которую Варда Склиръ безъ него справился съ Русскими подъ Адріанополемъ. Если это была весна 971 года, то гдѣ же весна 970-го? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, Цимисхій и Святославъ, а съ нимъ о-бокъ и Калокиръ, проспали эту весну, да и все вслѣдующее затѣмъ лѣто, ни разу не просыпаясь? Мало того: надо полагать, что и низверженная партія Фоки также спала безъ просыпу, со времени своего паденія въ теченіе цѣлыхъ 15 мѣсяцевъ, и только весною 971 года, одновременно съ Русскими, очнулась и начала дѣйствовать! Неужели же мыслимо такое безмятежное спокойствіе, такая всеобщая апатія, медленность и вялость въ дѣйствіяхъ? И когда же? Тотчасъ послѣ государственнаго переворота, возбудившаго сильное броженіе въ умахъ народа и оставившаго по себѣ множество недовольныхъ!... Невозможно и думать, чтобы партія Фоки поднялась только весною 971 года, т. е. спустя 15 мѣсяцевъ послѣ переворота, ее низложившаго; это было бы возстаніе уже запоздалое, тогда Варда Фока, пожалуй, не нашелъ бы себѣ даже и сообщниковъ, ибо многіе изъ пострадавшихъ отъ переворота могли бы уже забыть свою невзгоду и примириться съ новымъ правительствомъ. Непремѣнно это возстаніе должно было начаться весною 970 года, когда всѣ были еще озлоблены противъ Цимисхія, а въ то же самое время и Русскіе вторгнулись въ византійскіе предѣлы, гдѣ и встрѣтились съ Греками при Адріанополѣ. Затѣмъ, въ продолженіе лѣта того же года Варда Склиръ былъ занятъ усмиреніемъ бунта въ Азіи, а въ Европѣ Русскіе безнаказанно хозяйничали

въ Византійскихъ владѣніяхъ, угрожая самому Константинополю; наконецъ къ осени бунтъ былъ подавленъ и войска съ военачальникомъ возвратились въ Европу на зимнія квартиры, когда и Русскіе, съ приближеніемъ зимы, прекратили свои набѣги. И въ ту же осень начались усиленныя приготовленія къ окончательной борьбѣ съ Святославомъ, во время которыхъ императоръ сочетался бракомъ съ Ѳеодорою. Такимъ образомъ, событія перваго года царствованія Цимисхія у насъ всѣ на лице, и всѣ они такъ тѣсно связаны между собою, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть передвинуто на слѣдующій годъ. Что же происходило въ этомъ слѣдующемъ, во второмъ году царствованія Цимисхія, т. е. въ 971-мъ? Для этого года мы рѣшительно не найдемъ никакихъ событій, и должны совершенно вычеркнуть его изъ исторіи Цимисхія, если знаменитую борьбу его съ Святославомъ отнесемъ къ третьему (972) году его царствованія. Даже и бракосочетаніе его съ Ѳеодорою никакъ не можетъ принадлежать ко второму его году, и именно къ ноябрю мѣсяцу, т. е. къ концу втораго года; ибо Левъ Діаконъ ясно говоритъ, что бракосочетаніе происходило одновременно съ приготовленіями къ войнѣ съ Русскими, приготовленія же начались тотчасъ по усмиреніи бунта Фоки, слѣдовательно осенью въ 970 году — въ концѣ перваго года царствованія Цимисхія. — Развѣ предположимъ, что бунтъ, начавшійся несомнѣнно въ 970 году раннею весною, продолжался до осени 971 года, т. е. полтора года съ лишкомъ, и что въ то же время въ Европѣ Русскіе продолжали, два лѣта къ ряду, хозяйничать въ Византійскихъ владѣніяхъ къ величайшей досадѣ Цимисхія.

Дѣйствительно, это предположеніе могло бы еще оправдать показаніе о свадьбѣ Цимисхія въ ноябрѣ мѣсяцѣ втораго его года; но, къ сожалѣнію, оно не состоятельно: во первыхъ, повѣствуя о дѣлахъ съ мятежниками, Левъ Діаконъ не упоминаетъ ни о зимовкахъ войска, ни о веснѣ, лѣтѣ, осени, которыя онъ въ другихъ мѣстахъ (хоть и не всегда) называетъ или просто, или по ученому (напримѣръ: «солнце отъ знака Стрѣльца уже приближалось къ знаку Козерога» — «при лѣтнемъ поворотѣ солнца

на осень»—«при зимнемъ поворотѣ солнца» и проч.); а по отсутствію такихъ указаній времени нельзя не заключить, что онъ здѣсь разсказываетъ только о произшествіяхъ одного лѣта; и во вторыхъ, изъ его разсказа видно, что царскому полководцу, при усмиреніи этого бунта, вовсе не было надобности ни сражаться съ мятежниками, ни преслѣдовать ихъ, ни брать укрѣпленныхъ городовъ или крѣпостей послѣ продолжительной осады, — однимъ словомъ, ему не предстояло никакого особенно труднаго дѣла, сопряженнаго съ болѣе или менѣе значительною тратою времени. Собравъ и устроивъ войско, онъ только, можно сказать, прогулялся съ нимъ до лагеря мятежниковъ, не далѣе Каппадокіи; роздалъ тамъ юнымъ честолюбцамъ царскія грамоты и патенты съ золотыми печатями на разныя почетныя званія и должности, и тѣмъ все дѣло съ ними было покончено, лагерь ихъ самъ собою разсыпался. Тогда полководцу оставалось только дождаться отъ царя рѣшенія участи самого Варда Фоки и, препроводивъ его въ черной рясѣ на островъ Хіосъ, возвратиться съ войскомъ въ Европу на зимнія квартиры. Очевидно, что все это Варда Склиръ могъ исполнить легко и безъ особенной поспѣшности въ одно лѣто, даже въ нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, причемъ ему вовсе не было надобности летѣть на парахъ, какъ нынѣ, по желѣзнымъ дорогамъ (еслибъ таковыя тогда существовали), или прибѣгать къ другимъ способамъ ускореннаго передвиженія, хотя ему, конечно, предписано было спѣшить, не затягивать дѣла, а стараться окончить его какъ можно скорѣе. Стало быть къ осени 970 года этотъ бунтъ несомнѣнно былъ уже окончательно подавленъ, и если императоръ тогда же въ приказѣ своему полководцу объявилъ, что «при наступленіи весны» онъ самъ со всѣми своими силами двинется въ походъ противъ Русскихъ, то о какой же *наступающей веснѣ* можно было упоминать осенью 970 года, если не о веснѣ слѣдующаго 971 года, т. е. втораго года царствованія Цимисхія?...

И такъ, связь событій, по изложенію самого Льва Діакона, совершенно ясно указываетъ, что *походъ* Цимисхія противъ Рус-

скихъ *начался весною во второмъ году его царствованія, т. е. въ 971-мъ*, а не въ 972 году. Но какъ же быть съ показаніемъ того же Льва Діакона о времени празднованія свадьбы Цимисхія, изъ котораго вытекаетъ совершенно иное заключеніе о началѣ войны его съ Русскими? Вотъ это показаніе въ подлинникѣ и въ переводахъ—въ латинскомъ Газе, и въ русскомъ Попова:

Νοέμβριος μὴν ἐνειστήκει, ἔτει δευτέρῳ τῆς τούτου ἡγεμονίας, ὅτε ἡ γαμήλιος ἐτελεῖτο ἑστίασις.	Mensis Nowember tunc agebatur, anno altero principatus ejus, cum nuptiarum solennia fierent.

Сіе брачное торжество было на второмъ году его царствованія, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Если Цимисхій праздновалъ свой бракъ съ Ѳеодорою въ ноябрѣ, т. е. въ послѣднемъ мѣсяцѣ второго года своего царствованія, и затѣмъ при наступленіи весны двинулся въ походъ противъ Русскихъ, то отсюда, разумѣется, нельзя не заключить, что *походъ начался въ третьемъ году его царствованія, т. е. въ 972-мъ*. Къ такому заключенію пришли и Газе, впрочемъ условно (Not. in L. Diac. ed. Bonn. p. 473: si verum est quod ait Leo), и Муральтъ (Chronogr. Byzant, p. 552), и другіе. Но это заключеніе, логически необходимое, невозможно исторически, ибо оно явно противорѣчитъ разсмотрѣнному выше ходу событій, и никоимъ образомъ не можетъ быть соглашено съ нимъ. Не спутался ли и здѣсь Левъ Діаконъ? Вопросъ позволительный, такъ какъ мы уже видѣли, что этотъ авторъ-современникъ не безгрѣшенъ, что въ его показаніяхъ встрѣчается путаница. Или не ошибся ли, можетъ быть, переписчикъ дошедшей до насъ рукописи его сочиненія? — Разберемъ это показаніе о времени брачныхъ торжествъ, но сперва предложимъ буквально-точный переводъ его, ибо переводъ Попова передаетъ только его содержаніе, или общій, а не буквальный смыслъ.

«*Ноябрь мѣсяцъ стоялъ* (= *былъ, шелъ*), *втораго года* (соб-

ственно: *во второмъ году) его царствованія, когда брачное оканчивалось торжество*».

Здѣсь ἐτελεῖτο (отъ τέλος — конецъ) мы принимаемъ въ его первоначальномъ, коренномъ смыслѣ и, какъ время Преходящее (Imperfectum), передаемъ черезъ *оканчивалось*, или *кончалось*, а не кончилось; ибо это торжество продолжалось и послѣ, въ теченіе всей зимы, которую государь проводилъ въ столицѣ, среди своихъ подданныхъ, устраивая для ихъ увеселенія, разныя потѣшныя игры и зрѣлища. Онъ самъ искренно радовался теперь, вмѣстѣ съ своимъ народомъ, потому что праздновалъ не только свое бракосочетаніе, но и начало своего законнаго царствованія; ибо теперь онъ, какъ супругъ Ѳеодоры, дочери Константина Багрянороднаго, былъ уже не похититель престола, а государь законный, дядя юныхъ императоровъ Василія и Константина, племянниковъ Ѳеодоры, слѣдовательно старшій членъ царственной династіи, любимой народомъ; теперь уже и народъ забывалъ въ немъ цареубійцу и среди общей радости мирился съ нимъ какъ съ государемъ законнымъ. Вотъ почему эти свадебныя торжества были такъ веселы для всѣхъ, и такъ продолжительны. Вѣроятно, они продолжались до самаго великаго поста, и *оканчивались* на масляной недѣлѣ, а *кончились*, можетъ быть, только въ сыропустное воскресенье (26 февраля).

И такъ, если Левъ Діаконъ самъ разсказываетъ о народныхъ празднествахъ и увеселеніяхъ по случаю царской свадьбы, происходившихъ въ продолженіе всей зимы, то могъ ли онъ тутъ же, въ связи съ этимъ разсказомъ, указать на *ноябрь мѣсяцъ*, какъ на время, «когда *оканчивалось* брачное торжество»? Да и нужно ли, и можно ли было указывать когда это торжество оканчивалось, но еще не *кончилось*, не указавъ, притомъ, когда оно началось, т. е. когда происходило самое *бракосочетаніе?* Вѣдь здѣсь именно это и есть фактъ существенно важный, который непремѣнно надлежало опредѣлить, по крайней мѣрѣ мѣсяцемъ, если не числомъ мѣсяца и днемъ недѣли. Очевидно, что въ текстѣ должна быть какая-то ошибка, путаница, ибо здѣсь *ноябрь мѣ-*

сяцъ втораго года Цимисхіева, какъ время *оканчиванія* брачныхъ торжествъ, рѣшительно не возможенъ, не мыслимъ. Кажется и переводчики какъ будто чувствовали, что здѣсь у Византійца-современника не все въ порядкѣ, почему и не отважились передать глаголъ ἐτελεῖτο въ его коренномъ значеніи, какое онъ непремѣнно долженъ имѣть здѣсь. Только Чертковъ осмѣлился высказать догадку о возможности ошибки въ текстѣ Льва Діакона: приведя показаніе Зонары (II, 166. Венец. изд.), въ которомъ нѣтъ ноября, а о бракосочетаніи говорится какъ о событіи, послѣ котораго Цимисхій тотчасъ «во второмъ году своего царствованія, весною» выступилъ въ походъ противъ Русскихъ, онъ полагаетъ («Опис. войны» и пр., стр. 257), что бракосочетаніе могло быть въ январѣ или въ февралѣ 971 года, а походъ начался въ мартѣ, и «что Левъ Діаконъ, или его переписчики, вмѣсто января или февраля, поставили ошибкою ноябрь». Но эта догадка выведена изъ показанія Зонары въ латинскомъ переводѣ, въ которомъ извѣстія о бракосочетаніи и походѣ Цимисхія слиты въ одно сложное предложеніе, тогда какъ въ греческомъ текстѣ они выражены двумя отдѣльными предложеніями, изъ которыхъ въ послѣднемъ разсказъ о походѣ начинается словами: ἔτει δὲ δευτέρῳ... («во второе же лѣто»...») и т. д. Такъ и по Кедрину (Бон. изд. 392) бракосочетаніе Цимисхія предшествуетъ второму году его царствованія; да и изъ самаго хода и связи событій оказывается, что оно должно было происходить въ концѣ перваго года его царствованія, т. е. осенью въ 970 году. Слѣдовательно у Льва Діакона ноябрь мѣсяцъ самъ по себѣ вовсе не ошибка, а только его соединеніе со вторымъ годомъ царствованія Цимисхія представляетъ ошибку, произшедшую отъ постановки знаковъ препинанія, отъ неправильнаго соединенія и раздѣленія предложеній. Переписчикъ не понялъ, да и Газе, какъ видно, не замѣтилъ, что Левъ Діаконъ говоритъ о бракосочетаніи, или вѣнчаніи (γάμος, nuptiae) и о брачныхъ торжествахъ (γαμήλιος ἑστίασις, solennia nuptiarum) отдѣльно, какъ о двухъ событіяхъ разновременныхъ, изъ которыхъ первое относитъ къ ноябрю мѣ-

сяцу, а послѣднее ко второму году царствованія Цимисхія. Это совершенно ясно изъ слѣдующаго: сказавъ сперва, что императоръ, во время приготовленій къ войнѣ съ Русскими, «сочетался бракомъ съ Θеодорою, дочерью Константина Багрянороднаго, не очень отличною по красотѣ и прелести тѣлесной, но превосходною изъ всего женскаго пола многими добродѣтелями (переводъ Попова, стр. 79), онъ опредѣляетъ затѣмъ время этого событія и говоритъ: «тогда былъ ноябрь мѣсяцъ» (νοέμβριος μὴν ἐνειστήκει). За этою заключительною фразою у Льва Діакона въ подлинникѣ должна была стоять точка. Повѣствованіе же его о дѣлахъ втораго Цимисхіева года начинается словами: Ἔτει δευτέρῳ τῆς τούτου ἡγεμονίας, ὅτε ἡ γαμήλιος ἐτελεῖτο ἑστίασις (здѣсь нѣтъ точки, а только запятая), καὶ ϑυμηδία τις κατεῖχε τὸν δῆμον ἄῤῥητος. ἀνϑ' ὧν . . . κ. τ. λ. (т. е. «Во второе же лѣто царства его, когда оканчивались брачныя торжества, радость несказанная обуяла столичный людъ; отъ того что»... и т. д.).

Очевидно, что бракосочетаніе Цимисхія было въ ноябрѣ мѣсяцѣ, но не во второмъ, а въ первомъ году его царствованія; во второмъ же году, въ началѣ, *оканчивался* рядъ брачныхъ торжествъ, которыя Левъ Діаконъ отдѣляетъ отъ самого бракосочетанія, или вѣнчанія, потому что они и въ дѣйствительности раздѣлялись промежуткомъ: бракосочетаніе происходило, можетъ быть, только 13-го ноября, въ воскресенье; въ тотъ же день новобрачные принимали поздравленія, при дворѣ былъ свадебный пиръ для вельможъ, для знати, продолжавшійся еще и въ слѣдующій день, въ который, притомъ, праздновалось, вѣроятно, и тезоименитство новобрачной; ибо 14 ноября, по нашимъ святцамъ—*царицы Θеодоры*. Но съ 15 ноября насталъ уже постъ, и потому народныя увеселенія по случаю царской свадьбы, всѣ пиры и празднества были отложены, и возобновились только въ Рождественскіе праздники, а тогда шелъ уже (съ 11 декабря) второй годъ царствованія Цимисхія, и въ этомъ-то, *второмъ*, т. е. въ 971 году, послѣ цѣлаго ряда праздниковъ, продолжавшихся (раз-

умѣется, съ перерывами) въ теченіе всей зимы, императоръ выступилъ въ походъ *весною*, *въ исходѣ марта*.

Такимъ образомъ, отдѣливъ только фразу текста: νοέμβριος μὴν ἐνειστήκει («ноябрь мѣсяцъ стоялъ тогда») точкою отъ слѣдующаго затѣмъ разсказа, мы получаемъ у Льва Діакона то же самое хронологическое показаніе о началѣ этого похода, которое (у него же, безъ сомнѣнія, списанное) повторяютъ за нимъ и Кедринъ-Скилица, и Зонара. Стало быть, касательно года борьбы Цимисхія съ Святославомъ нѣтъ никакого разногласія между Львомъ Діакономъ и его компиляторами: всѣ они относятъ эту борьбу ко второму году царствованія Цимисхія, т. е. къ 971-му. А съ этимъ единогласнымъ ихъ свидѣтельствомъ вполнѣ согласуются и хронологическія показанія нашего лѣтописца, который, помѣстивъ подъ 6479 сентябрскимъ (971 янв.) годомъ, дошедшее до него, баснословное сказаніе о войнѣ Святослава съ Греками, включилъ въ это сказаніе копію съ клятвенной записи Святослава, данной Цимисхію при заключеніи мира «въ Дерестрѣ, мѣсяца іюля, индикта въ 14, въ лѣто 6479». Слѣдовательно, подозрѣвать въ этой «Записи» ошибки въ индиктѣ и годѣ, произшедшія, будто бы, при перепискѣ ея съ глаголицы на кириллицу, нѣтъ ни малѣйшаго повода; въ ней и индиктъ, и годъ, и мѣсяцъ, подтверждаемые свидѣтельствомъ Византійцевъ, и сами въ свою очередь подтверждающіе ихъ свидѣтельство, совершенно вѣрны, пропущено только число мѣсяца, которое Византійцы показываютъ различно и едва ли вѣрно, что, впрочемъ, не важно [1]).

---

[1]) Весьма важно было бы показаніе Льва Діакона о времени послѣдней битвы, послѣ которой на другой день заключенъ былъ миръ, если бы его числа были вѣрны. По его показанію битва происходила «въ шестой день недѣли, 24-го числа мѣсяца іюля» (кн. IX, 8: ἕκτῃ δὲ ἦν τῆς ἑβδομάδος ἡμέρα, καὶ εἰκάδα τετάρτην ἤλαυνεν ὁ ἰούλιος μήν). Но такъ не приходилось ни въ 971, ни въ предыдущемъ, ни въ слѣдующемъ году; изъ годовъ ближайшихъ только въ 968 и въ 974 году 24-го іюля была *пятница* (т. е. 6-й день недѣли), а въ 971 году 24-го іюля былъ понедѣльникъ, пятница же приходилась 21-го іюля. Слѣдодовательно изъ этого явно ошибочнаго показанія нельзя вывесть никакого заключенія. По Кедрину послѣдняя битва происходила 22-го іюля, послѣ которой на другой день Святославъ предложилъ миръ. Слѣдовательно мирный

Но весьма важно для насъ то, что въ нашей лѣтописи совершенно вѣрно показана и смерть Святослава: «веснѣ приспѣвши, въ лѣто 6480», и начало княженія сына его Ярополка «въ лѣто 6481». Если Святославъ заключилъ миръ въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ концѣ сентябрскаго 6479 года, или въ концѣ 14-го индикта, и затѣмъ погибъ въ началѣ весны, то конечно это было уже въ половинѣ слѣдующаго 6480 сентябрскаго года, или въ половинѣ 15 индикта. Разумѣется, въ ту же весну, по смерти Святослава, началъ княжить въ Кіевѣ сынъ его Ярополкъ, слѣдовательно въ томъ же сентябрскомъ 6480 году, подъ которымъ лѣтописецъ, безъ сомнѣнія, и записалъ бы начало его княженія, если бы онъ сообразовался съ годомъ Святославовой записи. Но у него былъ другой источникъ, также вполнѣ достовѣрный, въ которомъ, по полученіи извѣстія о смерти Святослава, тотчасъ записано было подъ мартовскимъ годомъ 6481: «Нача княжити Ярополкъ». Эту замѣтку лѣтописецъ и внесъ въ свою лѣтопись. — Стало быть, въ половинѣ сентябрскаго 6480 года, съ 1-го марта, начался мартовскій 6481-й годъ, котораго первой половинѣ (съ 1-го марта по 31-е августа) соотвѣтствуетъ послѣдняя половина сентябрскаго 6480 високоснаго года, а первая половина того же сентябрскаго года равна и по номеру послѣдней половинѣ (съ 1-го сентября по 29-е февраля) мартовскаго високоснаго 6480 года, окончившагося 29-мъ числомъ февраля мѣсяца, т. е. въ ту самую весну, когда погибъ Святославъ и когда январскій високосный годъ былъ 972-й, а по счету отъ сотвор. міра также 6480-й, слѣдовательно равный по номеру сентябрскому и мартовскому въ мѣсяцахъ январѣ и февралѣ.

Отсюда видно, что древне-русскій мартовскій годъ не слѣдуетъ, какъ младшій, за сентябрскимъ и январскимъ, хотя многіе такъ полагаютъ, а предшествуетъ имъ, какъ старшій, т. е. начи-

---

договоръ могъ быть заключенъ или 23-го іюля, или въ слѣдующій день, — вообще въ послѣднихъ числахъ, на послѣдней недѣлѣ іюля мѣсяца, въ сентябрскомъ 6479 году, 14-го индикта.

нается раньше сентябрскаго 6-ю, а январскаго 10-ю мѣсяцами, и равенъ первому въ зимнемъ полугодіи (съ 1-го сентября по 28—29-е февраля), а послѣднему только въ мѣсяцахъ январѣ и февралѣ. Такое отношеніе мартовскаго года къ сентябрскому прямо и положительно высказано въ нашей лѣтописи подъ 6604 високоснымъ годомъ, именно въ концѣ разсказа словами: «Се же бысть исходящю лѣту 6604, индикта 4, на полы». Если мартовскій 6604-й годъ кончился въ половинѣ 4-го индикта, т. е. въ половинѣ 6604 сентябрскаго года, то разумѣется, что онъ долженъ былъ начаться въ половинѣ предыдущаго, 6603 сентябрскаго года, слѣдовательно шестью мѣсяцами раньше 6604 сентябрскаго года. — О кончинѣ Ярослава «въ 1-ю субботу поста», 19-го февраля, можно было также сказать: се же бысть исходящю лѣту 6562, индикта 7, на полы». А если Святославъ, какъ вѣроятно, палъ въ битвѣ съ Печенѣгами въ послѣднихъ числахъ февраля мѣсяца, то и это также случилось «исходящю лѣту 6480, индикта 15, на полы».—Ясно, что каждый мартовскій годъ кончается въ половинѣ равнаго съ нимъ по номеру сентябрскаго года, и что въ томъ же сентябрскомъ году съ 1-го марта начинается слѣдующій мартовскій годъ, старшій по номеру, единицею большій сентябрскаго. Такъ у насъ теперь, въ январскомъ 1876 високосномъ году, идетъ сентябрскій високосный 7384-й, а какой же былъ мартовскій високосный годъ, который кончился 29-го февраля, въ воскресенье, въ половинѣ, т. е. въ концѣ 6-го мѣсяца, сентябрскаго и въ концѣ 2-го мѣсяца январскаго високосныхъ годовъ? Неужели не тотъ же 7384-й, не равный сентябрскому по номеру, а младшій его!? Въ такомъ случаѣ нельзя бы сказать, примѣняясь къ словамъ лѣтописи, что эта *хронологическая замѣтка* была нами въ чернѣ набросана, «исходящю лѣту 7384, индикта 4, на полы»; да и самыя слова лѣтописца о мартовскомъ 6604 годѣ надлежало бы отвергнуть, какъ явно ошибочныя, невѣрныя. Но наша лѣтопись подтверждаетъ ихъ множествомъ совершенно ясныхъ, фактическихъ доказательствъ; всѣ эти доказательства будутъ приведены и разсмотрѣны въ на-

шемъ изслѣдованіи *О начальной хронологіи Нестора*, которое мы предполагаемъ окончить въ нынѣшнемъ високосномъ 1876 январскомъ году, равномъ съ 1-го марта по 31-е декабря мартовскому 7385 простому году, первому по високосѣ.

Замѣтка А. Куника о годахъ смерти великихъ князей Святослава Игоревича и Ярослава Владиміровича.

Въ историческихъ источникахъ встрѣчается множество датъ, возбуждающихъ въ изслѣдователѣ сомнѣнія. Если при этомъ дѣло идетъ о событіяхъ второстепенной важности, то къ вѣрности датъ относятся со снисходительнымъ молчаніемъ, особенно при недостаткѣ средствъ ихъ провѣрить. Не то, однако, когда эти сомнительныя даты бросаютъ тѣнь на добросовѣстность лѣтописца или на достовѣрность его свѣдѣній, или же когда эти даты касаются событій, имѣющихъ болѣе или менѣе важное значеніе. Къ числу датъ подобнаго рода слѣдуетъ отнести года смерти двухъ извѣстныхъ князей,—Святослава Игоревича и Ярослава Владиміровича. Въ предъидущей статьѣ смерть одного изъ нихъ отнесена къ 972, а смерть другаго къ 1054 году. Оба эти числа стали до того стереотипными, что сомнѣніе въ ихъ вѣрности, особенно послѣ рѣшительной защиты ихъ Николаемъ Петровичемъ Ламбинымъ, кажется чуть—не дерзостью.

Послѣ появленія «Каспія», въ которомъ я указалъ на 973 г. (стр. 676), какъ на годъ смерти Святослава, г. Ламбинъ заявилъ мнѣ, что онъ съ моимъ предположеніемъ согласиться не можетъ. Устно сообщенныя имъ основанія показались мнѣ столь уважительными, что я просилъ его изложить ихъ письменно, что̀ онъ и исполнилъ. Со своей стороны и я письменно изложилъ вкратцѣ, основываясь главнымъ образомъ на византійскихъ источникахъ,

свои возраженія, предложивъ въ то же время г. Ламбину опредѣлить какъ можно точнѣе хронологію всей русско-византійской войны и обратить при этомъ особенное вниманіе на извѣстія о зимовкахъ византійскаго войска впродолженіе двухъ послѣдовательныхъ годовъ,—по моему расчету, 970—971 и 971—972 гг. Г. Ламбинъ въ вышенапечатанной статьѣ своей старается подтвердить доводы свои въ пользу своего взгляда на хронологію событій отъ 968 по 972 г. Кто изъ насъ правъ—разсудятъ, конечно, другіе; я же пользуюсь случаемъ опротестовать взглядъ г. Ламбина на отношеніе русскаго мартовскаго года къ сентябрьскому по лѣтосчисленію отъ С. Міра (или вѣрнѣе отъ сотворенія Адама ἀπὸ Ἀδάμ—въ смыслѣ, придаваемомъ этому выраженію средневѣковыми писателями).

Когда болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ возникъ споръ о старшинствѣ мартовскаго и сентябрьскаго годовъ, я въ статьѣ своей «О признаніи 1223 года временемъ битвы при Калкѣ» далъ формулу для вычисленія мартовскихъ годовъ, [1]) правильность которой вполнѣ оправдалась. Считаю не лишнимъ повторить здѣсь высказанное мною тогда положеніе.

«*Мартовскій годъ русскихъ лѣтописей начинается 1-мъ марта сентябрскаго года и оканчивается 28-мъ, (а въ високосныхъ годахъ 29-мъ) февраля слѣдующаго* (сентябрскаго) *года.*

.... Итакъ, въ исторической практикѣ, для вычисленія годовъ (отъ сотворенія міра), *предполагая, что они правильно записаны* и не испорчены переписчиками, должно наблюдать слѣдующіе пріемы:

1) При мартовскихъ годахъ, *изъ числа лѣтъ отъ С. М. вычитать 5508, когда дѣло идетъ о событіяхъ, относящихся къ первымъ 10 мѣсяцамъ* (мартъ—декабрь); *при со-*

---

[1]) Ученыя Записки И. Акад. Н. по I и III Отдѣленіямъ. Томъ II (1854) стр. 766 и 769.

бытіяхъ же послѣднихъ 2 мѣсяцевъ (января и февраля) *вычитать 5507* [1]....

Всякая попытка поколебать эти положенія была бы тщетною, такъ какъ они основаны на сравнительно-хронологическомъ анализѣ множества текстовъ византійско-славянскихъ и западно-европейскихъ лѣтописей и грамотъ, и, — что главное, — подтверждаются совпаденіемъ означенныхъ въ вышеупомянутыхъ источникахъ мѣсяцевъ и чиселъ дней для солнечныхъ и лунныхъ затмѣній съ вычисленіями астрономовъ.

Съ перваго взгляда кажется весьма легкимъ, при помощи означенной формулы, опредѣлить годъ смерти обоихъ вышеупомянутыхъ князей. Дѣло однако въ томъ, что механическое вычисленіе не вездѣ примѣнимо. На сколько зависитъ правильность вычисленія даты отъ точности ея записи лѣтописцемъ, видно особенно ясно на датѣ смерти Святослава Игоревича и Владиміра Ярославича. Безъ всякаго желанія предупреждать чье бы то нибыло будущее, по всей вѣроятности, вполнѣ исчерпывающее этотъ вопросъ изслѣдованіе, скажемъ сначала о послѣдней датѣ. Прежде всего возникаетъ здѣсь вопросъ: дошло ли до насъ извѣстіе о времени смерти Ярослава въ своемъ первоначальномъ видѣ или, по крайней мѣрѣ, дошло ли оно до насъ такимъ образомъ, что мы можемъ смѣло переложить годъ міровой эры (ère mondaine, Weltäre), подъ которымъ оно записано, въ соотвѣтствующій годъ христіанской эры? При утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, опредѣлить годъ смерти Ярослава Владиміровича было бы легко. Но разслѣдовалъ ли хотя кто нибудь до сихъ поръ, откуда въ такъ называемой Несторовой лѣтописи происходятъ многочисленныя отдѣльныя даты и какъ онѣ въ текстѣ ея были вписаны или перепутаны, было ли то сдѣлано первыми русскими лѣтописателями или составителемъ дошедшей до насъ сводной лѣтописи?

---

[1]) Такъ наприм. 7384 мартовскій годъ отъ С. М. начинается 1-мъ марта, 7384 сентябрскаго года отъ С. М. или 1-мъ марта 1876-го январскаго года отъ Р. Хр. и оканчивается 28-мъ февраля 7385 сентябрскаго года отъ С. М. или 28-мъ февраля 1877 январскаго года отъ Р. Хр.

Объ отвѣтѣ на *этотъ* вопросъ никто до сихъ поръ еще серьозно не думалъ. Обыкновенно по поводу года Ярославовой смерти ссылаются на *Карамзина* (II, прим. 50). *Арцыбышевъ* (Повѣствованіе о Россіи. Томъ I. Кн. II. М. 1838, стр. 22, прим. 120) сознавалъ трудность задачи, но въ его время взгляды на генеалогическое отношеніе отдѣльныхъ лѣтописей были еще слишкомъ неопредѣленны. Можно было ожидать большаго отъ М. П. *Погодина.*

Въ пятидесятыхъ годахъ высказалъ я ему какъ-то о необходимости обработки древняго и средняго періодовъ русской исторіи съ точки зрѣнія хронологіи и указалъ при этомъ на полную невозможность строго-научной критики русскихъ лѣтописей безъ предварительнаго анализа ихъ хронологіи. Въ дружеской бесѣдѣ высказалъ я ему упрекъ въ томъ, что онъ, при своихъ обширныхъ изслѣдованіяхъ объ удѣльномъ періодѣ обратилъ такъ мало вниманія на провѣрку хронологіи, [1]) и замѣтилъ, что онъ долженъ бы былъ взяться за эту задачу, такъ какъ для него она легче, чѣмъ для кого бы то ни было другаго и т. п. Покойный Михаилъ Петровичъ высказалъ при этомъ одну изъ доблестныхъ чертъ своего характера: всегда былъ онъ готовъ въ научныхъ вещахъ выслушать возраженіе и поученіе отъ друга и недруга, отъ стараго и малаго. Такъ и теперь, какъ бы удивившись на мгновеніе, онъ отвѣчалъ: «Для меня это вдесятеро легче, чѣмъ для кого другаго. Текстъ лѣтописей такъ мнѣ хорошо знакомъ, что часто при справкахъ въ нихъ, я впередъ знаю, напечатано ли искомое мѣсто на правой или на лѣвой сторонѣ изданія лѣтописи». Въ заключеніе бесѣды онъ сказалъ: «Вся русская исторія должна быть такъ хронографически изложена, какъ Вы говорите».

Вскорѣ послѣ того онъ на самомъ дѣлѣ принялся за работу, но напечаталъ только начало своего «Хронологическаго указателя древней русской исторіи», обнимающее эпоху отъ 1054—1139 г.

---

[1]) Собственно я уже тогда былъ того мнѣнія, что Погодинъ свои изслѣдованія объ удѣльномъ періодѣ долженъ бы былъ начать съ повѣрки хронологіи лѣтописей. Безъ подобнаго изслѣдованія немыслима точная оцѣнка ихъ.

Я же обратилъ вниманіе составителя Указателя на сомнительную достовѣрность даты смерти вел. кн. Ярослава Владиміровича. Доказано ли дѣйствительно Погодинымъ, что этотъ князь умеръ 19 или 18 февраля 1054 г. или въ слѣдующемъ году, — пусть рѣшаютъ другіе, [1]) я же здѣсь укажу только на нѣкоторыя подробности лѣтописныхъ извѣстій.

Въ Лаврентьевскомъ спискѣ подъ 6562 мартовскимъ годомъ находится извѣстіе, что Ярославъ «предасть душю свою Богу въ суботу 1 недѣли поста святаго Ѳеодора;» это извѣстіе безъ обо-

---

[1]) Такъ какъ первые листы «Хронологическаго Указателя» вслѣдствіе недоразумѣнія, происшедшаго въ типографіи, оттиснуты лишь въ немногихъ экземплярахъ, то здѣсь перепечатываются всѣ касающіяся нашего предмета положенія Погодина.

(Стр. 1). «1054, февр. 19. Въ Ѳедорову субботу, на первой недѣлѣ великаго поста, скончался въ Кіевѣ вел. кн. Ярославъ Володимеровичъ...

(Стр. 12). Кончина Ярославова по всѣмъ спискамъ лѣтописи, древнимъ и новымъ, значится подъ г. 6562, февраля 20 числа, въ Ѳедорову субботу на первой недѣлѣ великаго поста. Но 19 февраля (а не 20), приходилось въ субботу на первой недѣлѣ поста изъ всѣхъ окружающихъ годовъ только въ 6561. 6561 годъ отъ С. М. соотвѣтствуетъ 1053 году отъ Р. Х. Февраль же 6561-го мартовскаго года принадлежитъ январскому 1054 году. Слѣдовательно Ярославъ скончался 18 февраля 1054 года, какъ опредѣлилъ еще Карамзинъ, Т. II, пр. 50. См. Изслѣдованія, Т. IV, с. 426. Какимъ образомъ произошла ошибка 6562 (вмѣсто 6561), повсемѣстно повторяемая, рѣшить невозможно. Откуда и на какомъ основаніи попалось прибавочное замѣчаніе въ Никоновскомъ Сборникѣ: въ 4 лѣто Михаила Пафлагонянина?

(Стр. 16). Замѣтимъ вообще о хронологіи этихъ лѣтъ 1054—1078. Источникъ ея одинъ—Несторъ, и она должна быть вездѣ одною. Возможны, разумѣется, только частныя ошибки, описки.

Такова ошибка или описка перваго года, т. е. кончины Ярославовой: 6562 вм. 6561, которая повторилась, какъ мы сказали, во всѣхъ спискахъ, древнихъ и новыхъ, и въ позднѣйшихъ редакціяхъ.

Начало княженія Изяслава, равно какъ и братьевъ, полагается по Ипат. и Хлѣбн. въ 6563=1055 году.

Что́ же дѣлать намъ собственно съ 6562=1054 годомъ (поставленнымъ у Нестора только ошибкою, какъ сказано)? Думаю, что этотъ годъ занятъ былъ пребываніемъ и походомъ Изяслава изъ Новагорода противъ Чуди, описанными въ позднѣйшихъ редакціяхъ. Допуская эти событія, мы получимъ вступленіе на престолъ Кіевскій («пришедъ Изяславъ сѣде»), именно въ 1055=6563 году. Первоначальная ошибка Нестора, или подлинника настоящихъ списковъ, здѣсь какъ бы сгладилась. Въ сокращенной, Новогородской, лѣтописи она примѣтна наименѣе».

значенія даты мѣсяца. Выпустилъ ли ее переписчикъ, или же прибавилъ «20 февраля», встрѣчаемое въ другихъ спискахъ? Замѣчательно, что въ Лавр. спискѣ 6563 (съ 1 марта 1055) года недостаетъ вовсе и что въ этомъ спискѣ, равно какъ и въ другихъ, 6564 годъ хотя и обозначенъ, но къ нему не отнесено никакого событія. Наконецъ, что находимъ мы у Нестора о времени княженія Ярослава? Вотъ что:

«... Живе же всѣхъ лѣтъ 70 и 6».

«... а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмже отъ смерти Святославля до смерти Ярославли лѣтъ 85; а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60».

Извращены ли нѣкоторыя изъ этихъ чиселъ переписчиками, или же Несторъ ошибочно высчиталъ вышеупомянутые періоды?

Подобныя же сомнѣнія и трудности встрѣчаемъ мы и при опредѣленіи года смерти вел. кн. Святослава Игоревича. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы не ограничены свидѣтельствомъ одного Нестора, но можемъ пользоваться также и византійскими источниками. Относительно Святослава, также какъ и Ярослава, еще не рѣшено, приходится ли его кончина на первый, или же на послѣдній мѣсяцъ мартовскаго года. Между тѣмъ, это весьма существенное обстоятельство, отъ котораго зависитъ опредѣленіе года самой смерти князя.

Продолжительность княженія Святославова дважды опредѣляется Несторомъ въ 28 лѣтъ, именно—въ лѣтописи, при извѣстіи о смерти Святослава, и въ хронологическомъ прибавленіи къ 6360 году (= 852). Къ сожалѣнію, сообщая эти хронологическія данныя, Несторъ принималъ въ расчетъ только полные года, не считая мѣсяцевъ, которые онъ принималъ за полные годы.

Обратное заключеніе о смерти Святослава можемъ мы также сдѣлать и изъ извѣстій Нестора о продолжительности княженія Ярополка Святославича. Въ хронологическомъ прибавленіи къ 852 г. оно показано въ 8 лѣтъ; но въ сущности-то оно продолжалось только семь лѣтъ съ половиною. Въ лѣтописи сказано:

«Въ лѣто 6481. Нача княжити Ярополкъ».

Этотъ мартовскій годъ начался съ 1 марта 973 г. Такъ какъ Святославъ погибъ при Днѣпровскихъ порогахъ весною, то вступленіе Ярополка на престолъ должно почти совпадать съ началомъ этого мартовскаго года. Убитъ былъ Ярополкъ около конца лѣта 6488, т. е. 980 г. Опредѣлилъ ли Несторъ продолжительность княженія Святослава такимъ же образомъ, т. е. считая послѣдніе 6, 7 мѣсяцевъ за полный годъ? Въ высшей степени вѣроятно.

Предоставляя другимъ оцѣнку взгляда Н. П. Ламбина на достоинство хронологическихъ показаній Льва Діакона, скажемъ еще нѣсколько словъ о достоинствѣ таковыхъ показаній, касающихся послѣднихъ лѣтъ Святославовой жизни, у Нестора. Г. Ламбинъ главнымъ образомъ опирается на то, что по Нестору мирный договоръ между Святославомъ и Цимисхіемъ былъ заключенъ въ Силистріи «мѣсяца іюля, индикта въ 14, въ лѣто 6479», что во всякомъ случаѣ соотвѣтствуетъ іюлю 971, а не іюлю 972 года. Въ западной Европѣ имѣются тоже вполнѣ достовѣрныя грамоты, которыя по той или другой причинѣ даютъ ложный годъ. Мы бы не имѣли права недовѣрять этой датѣ въ Несторовой *копіи* договора, если бы лѣтопись вообще отличалась точностью обозначенія датъ княженія Святослава. Кажется, какъ будто составитель сводной лѣтописи сдѣлалъ выборку изъ современныхъ, кратко записанныхъ извѣстій о Святославѣ [1]). Единственное событіе, которое можно провѣрить свидѣтельствомъ иностранцевъ, это — путешествіе вел. княг. Ольги въ Константинополь и послѣдовавшее затѣмъ крещеніе ея. Уже въ 1810 г. Кругъ въ своей византійской хронологіи (стр. 267—282) доказалъ неопровержимо, что крещеніе послѣдовало во 2-й половинѣ 957 года. Русская лѣтопись относитъ это событіе къ 955 г.

Въ лѣтописи, судя по всѣмъ даннымъ, начало русско-болгарской войны и начало выступленія самого императора Цимисхія

---

[1]) Очень вѣроятно, что и текстъ договора дошелъ до насъ только въ видѣ извлеченія изъ болѣе пространной договорной грамоты. Срав. договоры Олега и Игоря.

противъ Святослава отнесены на *одинъ* годъ раньше дѣйствительнаго времени. Не подало ли повода къ этой хронологической путаницѣ, между прочимъ, то обстоятельство, что извѣстіе о русско-византійской войнѣ занесено въ лѣтопись въ формѣ сплошнаго разсказа подъ 6479 (= 1 марта 971—29 февр. 972) г.?

Послѣ отнесеннаго къ концу 6479 г. разсказа о томъ, какъ Святославъ, опасаясь Печинѣговъ, зазимовалъ на островѣ Бѣлобережьѣ («и зимова Святославъ ту»), Несторъ или, лучше, лѣтописецъ, котораго извѣстія Несторъ переписалъ, или сократилъ, продолжаетъ:

«Веснѣ же приспѣвши,

въ лѣто 6480 (=1 март. 972 по 28 февр. 973) поиде Святославъ въ пороги...., и убиша Святослава... Свѣналдъ же приде Кіеву къ Ярополку. И всѣхъ лѣтъ княженья Святослава лѣтъ 20 и 8.

Въ лѣто 6481 (= *1 марта* 973 по 28 февр. 974). Нача княжити Ярополкъ».

Къ чему относится тутъ 6480 г.—къ веснѣ ли приспѣвшей или къ разсказу о смерти Святослава? На островѣ или полуостровѣ Бѣлобережьѣ весна во всякомъ случаѣ въ послѣднемъ мѣсяцѣ мартовскаго года, т. е. въ февралѣ, должна была уже начаться, но не въ Кіевѣ. Пуститься въ путешествіе вверхъ по Днѣпру въ Кіевъ могъ Святославъ, конечно, только по окончаніи ледохода Днѣпра подъ Кіевомъ. Среднимъ временемъ вскрытія Днѣпра подъ Кіевомъ и Екатеринославомъ считается 14 марта [1]). Даже если предположимъ, что Днѣпръ при Екатеринославѣ въ тотъ годъ вовсе не замерзалъ и что подъ Кіевомъ онъ случайно разошелся до 1 марта, — то и въ такомъ случаѣ смерть Святослава должна была случиться въ мартѣ мѣсяцѣ. *Первый* же мѣсяцъ несторовскаго 6480 г. во всякомъ случаѣ выходитъ мартомъ 972 январскаго года. Кто же въ такомъ случаѣ княжилъ въ Кіевѣ до начала 6481 г., когда, по Нестору, вступаетъ на престолъ Яро-

[1]) О климатѣ Россіи Соч. К. Веселовскаго. С. Петерб. 1857, стр. 164 и сравн. стр. 264 и 265 Приложеній.

полкъ, и княжитъ впродолженіе 8 лѣтъ? Усомниться въ вѣрности 6481 г., какъ года вступленія Ярополка на престолъ, не осмѣливается и самъ г. Ламбинъ. Но въ такомъ случаѣ его изъясненія византійскихъ источниковъ должны подвергнуться новой провѣркѣ, прежде чѣмъ мы опровергнемъ 973 г. какъ годъ смерти Святослава. Покуда мы остаемся при своемъ мнѣніи, что она послѣдовала именно *въ этомъ январскомъ году*, т. е. или въ концѣ февраля 6480 или въ мартѣ 6481 мартовскаго года.

Замѣтка къ статьѣ Н. П. Ламбина о годѣ смерти Святослава.

В. Васильевскаго.

Статья Н. П. Ламбина снова дѣлаетъ спорнымъ вопросъ, который для многихъ, а въ томъ числѣ и для нижеподписавшагося автора предлагаемой замѣтки, казался удовлетворительно рѣшеннымъ. Въ статьѣ Н. П. Ламбина доказывается, что Святославъ Игоревичь былъ убитъ Печенѣгами весною 972-го года и, что годъ борьбы Іоанна Цимисхія съ русскимъ княземъ подъ Доростоломъ былъ 971-й годъ; т. е. путемъ критическаго изслѣдованія источниковъ защищается мнѣніе, котораго держались и многіе другіе— по традиціи, ученой косности, по недостаточному знакомству съ источниками, по ненаучнымъ предубѣжденіямъ и просто по невнимательности къ тому, что могло казаться неважною частностію (Лебо, Финлей, Папарригопуло, Бюдингеръ, Гильфердингъ, Иловайскій, Дриновъ и т. д.). Ученые, для которыхъ вопросъ о хронологіи Русско-Византійской былъ *важенъ* и которые изучали Льва Діакона и Русскую лѣтопись съ этой точки зрѣнія, большею частію стояли за 972-й годъ, какъ годъ Цимисхіева похода на Дунай и, сообразно съ тѣмъ, относили смерть Святослава къ веснѣ 973-го года. Такого мнѣнія держался Газе, издатель и

комментаторъ Льва Діакона и Муральтъ, авторъ «Византійской хронографіи», такого мнѣнія держатся И. И. Срезневскій, на статью котораго дѣлаются указанія въ изслѣдованіи Н. П. Ламбина, и А. А. Куникъ, который высказался за 973-й годъ въ «Каспіи» и теперь защищаетъ его съ точки зрѣнія Русской лѣтописи.

Задача, которую мы рѣшаемся взять на себя, гораздо легче. Намъ предстоитъ защищать 972-й и 973-й годъ съ точки зрѣнія Византійскихъ источниковъ. Нужно признаться, да едва-ли это ускользнетъ отъ вниманія всѣхъ другихъ читателей, даже незнакомыхъ съ ученою дѣятельностью Н. П. Ламбина, что нашъ почтенный изслѣдователь, увлекаемый и — позволимъ себѣ выразиться — ослѣпляемый горячею и ревнивою любовію къ Нестору, расправляется съ Византійцами нѣсколько круто, и вообще относится къ нимъ не совсѣмъ доброжелательно, такъ что, напримѣръ, старается поссорить ихъ не только съ Несторомъ, но и между собою — даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возможно примиреніе или по крайней мѣрѣ дружелюбное объясненіе.

Переводя свои упреки съ иносказательнаго языка на прямой ученый, мы обвиняемъ Н. П. Ламбина въ слѣдующихъ проступкахъ противъ правилъ исторической критики:

1) Онъ даетъ слишкомъ большой вѣсъ своимъ личнымъ соображеніямъ о внутренней вѣроятности тѣхъ или другихъ событій, о возможности или невозможности извѣстнаго образа дѣйствій со стороны извѣстныхъ лицъ, характеръ и положеніе которыхъ намъ, однако, неизвѣстны съ полною отчетливостію. Соображенія внутренней вѣроятности вообще должны быть примѣняемы съ большою осторожностію и никакъ не должны предшествовать выводамъ, почерпаемымъ изъ сличенія историческихъ свидѣтельскихъ показаній, или же имѣть предъ ними преимущество. И въ мірѣ физическомъ возможностей очень много, а въ нравственномъ, съ которымъ имѣетъ дѣло исторія, ихъ еще болѣе. Уловить посредствомъ расчета вѣроятностей единичный отдѣльный фактъ — совершенно невозможно. Одной возможности всегда можетъ быть

противопоставлена другая и оружіе субъективныхъ соображеній всегда можетъ быть обращено противъ того, кто вздумаетъ злоупотреблять имъ въ исторіи. Напримѣръ, Н. П. Ламбинъ находитъ невѣроятнымъ извѣстіе Льва Діакона о двукратномъ посольствѣ отъ Цимисхія къ Святославу. «Напыщенныя рѣчи Цимисхія и такіе же отвѣты Святослава — одна только риторика, пустозвонство, фразы, а не факты; *въ дѣйствительности ничего этого не было*. . . Посольство къ Святославу было отправлено только однажды и *непремѣнно* въ то время, когда войска стояли уже во Ѳракіи, готовыя встрѣтить враговъ. Не имѣя подъ рукою достаточнаго войска, — Цимисхій никакъ *не могъ* требовать, чтобы гордый князь Русскій, принявъ отъ него наемную плату, какъ отпущенный съ работы поденщикъ, отправился домой», и т. д. — На это можно отвѣчать съ такою же рѣшительностію: «Посольства Цимисхія къ Святославу съ предложеніемъ получить условленное вознагражденіе и удалиться изъ Болгаріи, а потомъ съ напоминаніями о прежнихъ договорахъ и съ угрозами — могутъ относиться только къ тому времени, когда Цимисхій не имѣлъ возможности дѣйствовать противъ него оружіемъ; ибо нельзя себѣ представить, чтобы героическій вождь Греческихъ дружинъ въ борьбѣ съ Сарацинами, стоя во главѣ арміи, ознаменованной побѣдами на Востокѣ, сталъ напрасно торговаться съ Русскимъ варваромъ и чувствительно напоминать ему о святости договоровъ, о прежней дружбѣ Грековъ съ Русскими и о мести, которая постигаетъ ея нарушителей», и т. п. Думаемъ, что одно соображеніе стоитъ другаго, и что оба они не имѣютъ въ сущности почти никакой цѣны — въ виду положительнаго свидѣтельства лучшаго изъ нашихъ источниковъ. — Чтобы подойдти ближе къ дѣлу, мы обращаемся къ Н. П. Ламбину съ вопросомъ: которое именно посольство сочинилъ, по его мнѣнію, Левъ Діаконъ? Если второе, то откуда взялись у Льва Діакона въ изложеніи посланія такія вѣрныя и драгоцѣнныя историческія свѣдѣнія о походѣ Игоря, о договорѣ Грековъ съ Русскими при Игорѣ, о гибели Игоря въ Древлянской землѣ? Такъ отъ себя не сочиняютъ и мы скорѣе

обязаны думать, что Левъ Діаконъ имѣлъ въ рукахъ документальные источники, относящіеся именно ко второму посольству. А что касается до перваго посольства, то оно даже съ точки зрѣнія И. П. Ламбина окажется совершенно вѣроятнымъ и естественнымъ. При этомъ посольствѣ Цимисхій не грозилъ, а напоминалъ объ условіяхъ договора, по которому Святославъ былъ приглашенъ Греками противъ Болгаръ и доказывалъ права Византіи на Болгарскую землю, издревле составлявшую часть Македоніи (Leo Diac. p. 103).

Подобнымъ же образомъ можно было бы отвѣчать и на всѣ другія, подобныя вышеприведенному, разсужденія почтеннаго автора разбираемой нами статьи. Но дѣлать это съ полною подробностію и шагъ за шагомъ было бы излишне; а о возможности «невѣроятнаго» бездѣйствія Цимисхія и Святослава въ 971-мъ году, рѣчь будетъ ниже.

2) Намъ кажется далѣе, что Н. П. Ламбинъ недостаточно обращаетъ вниманіе на взаимное отношеніе между (Византійскими) источниками, и напрасно противопоставляетъ ихъ тамъ, гдѣ въ сущности они или согласны между собою или же различаются только подробностію или краткостію, причемъ первое качество принадлежитъ именно первичному источнику, а краткость—вторичному и производному отъ перваго. То, что сообщено въ началѣ статьи Н. П. Ламбина о Кедринѣ и Зонарѣ, совершенно вѣрно и правильно. Они пользовались исторіею Льва Діакона только въ компиляціи своего старшаго современника Скилицы, писавшаго въ исходѣ XI-го вѣка; а Скилица (или Скилицій), котораго сочиненіе Кедринъ только переписалъ, черпалъ свои извѣстія не изъ одного только Льва Діакона, но и изъ другихъ источниковъ (вѣроятнѣе—изъ другаго источника). О Зонарѣ, который списывалъ свои извѣстія тоже у Скилиція, нужно было прибавить только то, что онъ отличается отъ Кедрина бо̀льшею краткостію и потому передаетъ первоначальный текстъ Скилиція съ гораздо бо̀льшими измѣненіями.—И такъ, общее опредѣленіе отношенія между источниками сдѣлано почти совершенно вѣрно; но вина

Н. П. Ламбина состоитъ въ томъ, что при разборѣ частностей онъ забывалъ объ этомъ отношеніи источниковъ, не воспользовался своими критическими положеніями въ приложеніи ихъ къ своимъ спеціальнымъ задачамъ. Между прочимъ и прежде всего нужно было сличить Скилиція—Кедрина со Львомъ Діакономъ и выдѣлить у перваго то, чтó заимствовано имъ у Льва Діакона, и потомъ то, что ведетъ свое начало изъ другаго, намъ неизвѣстнаго источника. — Обращаемся для поясненія къ вышеприведенному разсказу о двухъ посольствахъ. Свои личныя соображенія о невозможности двойнаго посольства Н. П. Ламбинъ—мимоходомъ (въ скобкахъ) подкрѣпляетъ тѣмъ указаніемъ, что Кедринъ и Зонара говорятъ объ одномъ посольствѣ.—Но всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть текстъ Скилиція-Кедрина въ подлинникѣ, убѣдится, что въ этомъ мѣстѣ Скилицій только *сократилъ* Льва Діакона, слѣдовательно совсѣмъ ему не противорѣчитъ, а если бы и противорѣчилъ, то это ничего бы не значило съ критической точки зрѣнія. Компилятору нельзя давать предпочтеніе предъ его первоначальнымъ источникомъ, т. е. въ данномъ случаѣ предъ Львомъ Діакономъ.—Къ удивленію нашему, Н. П. Ламбинъ даже изъявляетъ сочувствіе совсѣмъ неправильному и не методическому разсужденію Черткова, который замѣтилъ «что противъ одного Византійца, говорящаго, что походъ (Цимисхія) былъ предпринятъ на третій годъ царствованія Цимисхія (972), мы имѣемъ *двухъ*, свидѣтельствующихъ, что война начата во второе лѣто его державы (971).» Эти два свидѣтеля суть Кедринъ и Зонара: оба они отъ себя ничего не могли сказать о томъ, что было въ X-мъ столѣтіи, ибо оба жили въ XII вѣкѣ, и оба повторили только то, что нашли у Скилиція. И такъ, если бы даже въ самомъ дѣлѣ у Кедрина и Зонары одинаково несомнѣнно походъ относился къ 971 году, то все-таки противорѣчіе существовало бы только между двумя источниками, т. е. между Скилиціемъ (или его неизвѣстнымъ источникомъ) и Львомъ Діакономъ: противъ одного Византійца былъ бы также одинъ, а не два.

Далѣе мы увидимъ, что этого противорѣчія, пожалуй, и со-

всѣмъ нѣтъ, если имѣть въ виду взаимное отношеніе первичныхъ источниковъ и компиляторовъ-сократителей.

3) Мы полагаемъ, что Н. П. Ламбинъ слишкомъ насильственно распутываетъ и главный узелъ всего вопроса, слишкомъ круто устраняетъ главное доказательство своихъ противниковъ. Мы увѣрены, что ни одинъ филологъ не въ состояніи будетъ согласиться съ его толкованіемъ словъ Льва Діакона о времени брака Цимисхія на Θеодорѣ.

Νοέμβριος μὴν ἐνειστήκει, ἔτει δευτέρῳ τῆς τούτου ἡγεμονίας, ὅτε ἡ γαμήλιος ἐτελεῖτο ἑστίασις.

Это ничего другаго не значитъ, какъ только то, что брачное торжество, послѣдовавшее за обрученіемъ или сватоствомъ, о которомъ была рѣчь выше (πρὸς γάμον ἡρμόσατο), *совершилось* во второмъ году царствованія Цимисхія и именно въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. Ἐτελεῖτο никакъ не слѣдуетъ переводить порусски словомъ «оканчивалось»—подъ страхомъ наказанія, о которомъ говорится въ самыхъ первыхъ строкахъ Иліады:

— Διὸς δ᾽ἐτελείετο βουλή.

А ἑστίασις тѣмъ менѣе могло длиться мѣсяцы — въ одномъ начаться, въ другомъ продолжаться — что оно собственно значитъ пиръ, угощеніе. Буквальный переводъ вышеприведеннаго отрывка будетъ слѣдующій. «Стоялъ Ноябрь мѣсяцъ, во второмъ году его (Цимисхія) правленія, когда совершался брачный пиръ». Но при этомъ, конечно, разумѣется только одинъ, не отмѣченный почему-то, день ноября мѣсяца.

Такъ какъ Ноябрь втораго года царствованія Цимисхія есть несомнѣнно 971-й годъ, а зима проведена Цимисхіемъ въ столицѣ и только весною—по совершенно прямымъ указаніямъ Льва Діакона—открылся *крестовый походъ* противъ Русскихъ [1]), то вся аргументація Н. П. Ламбина, поколику она основывается на толкованіи словъ Льва Діакона, сама собою рушится.

---

[1]) Τῆς δὲ χειμερινῆς κατηφείας εἰς ἐαρινὴν αἰθρίαν μεταβαλούσης, τὸ σταυρικὸν σημεῖον εὐθὺς ἄρας ὁ βασιλεὺς, κατὰ τῶν Ταυροσκυθῶν ἠπείγετο.

Предполагая ошибку у Льва Діакона, Н. П. Ламбинъ думаетъ исправить ее съ помощію Кедрина и Зонары. Но гораздо скорѣе ошибку можно подозрѣвать у несамостоятельнаго писателя, который составлялъ свой разсказъ по двумъ источникамъ, сливая въ одно не только заимствуемые оттуда факты, но и самыя выраженія.

У Кедрина (11, 392) мы читаемъ: Δευτέρῳ δὲ ἔτει τῆς βασιλείας αὐτοῦ μέλλων ἐκστρατεύειν κατὰ τῶν Ῥῶς τά τε στρατεύματα φιλοτιμίαις ἀνελάμβανε, καὶ στρατηγοὺς ἐφίστα ἐπὶ συνέσει καὶ ἐμπειρίᾳ στρατηγημάτων βεβοημένους, καὶ τῶν ἄλλων ἐπιμελεῖτο παρασκευῶν, ἵνα μηδενὸς σπανίζοι τὸ στράτευμα. Ἐπεμελήθη δὲ καὶ τοῦ στόλου διὰ Λέοντος τοῦ μετὰ ταῦτα πρωτοβεστιαρίου, δρουγγαρίου τότε τῶν πλωΐμων τυγχάνοντος, τὰ μὲν παλαιὰ ἐπισκευάσας, κατασκευάσας δὲ καὶ ἄλλα καινὰ καὶ στόλον ἀξιόλογον καταστησάμενος. Ἐπεὶ δὲ πάντα καλῶς εἶχεν αὐτῷ ἔαρος ἐπιστάντος, τῷ θεῷ τὰ ἐξιτήρια θύσας καὶ συνταξάμενος τοῖς πολίταις ἕξεισι τῆς βασιλίδος [1]). Далѣе идетъ рѣчь о походѣ къ Балканамъ и Дунаю.

Самъ по себѣ этотъ отрывокъ, слѣдующій за извѣстіемъ о бракѣ Цимисхія, даетъ намъ довольно удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, которому придавали такое большое значеніе Гильфердингъ и Н. П. Ламбинъ, именно на вопросъ: что дѣлалъ въ 971-мъ году, во второй годъ своего царствованія, императоръ Іоаннъ? Онъ готовилъ войско, строилъ корабли, вооружалъ

---

[1]) Латинскій переводъ не совсѣмъ точенъ. Tzimisces anno secundo imperii sui in Rossos expeditionem suscepturus, *cum* animos militum liberalitate sua *refecisset*, duces iis *praefecit*, prudentia et artium imperatoriarum peritia nobiles, et reliquis omnibus apparandis eam *impendit* curam, ne quid rerum necessariarum exercitibus deesset. classem quoque curavit opera Leonis ejus qui tunc rei novalis drungarius, postea est protovestiarius factus; et cum veteres naves refecit tum novas fabricatus est, et classem justam constituit. omnibus probe adornatis, *ineunte vere* sacris deo pro felici exitu operatus, et *relictis ad cives mandatis* Cpoli exit. Правильнѣе было бы употреблять въ началѣ не однократныя, а длительныя формы: animos militum — reficiebat, et duces iis praeficiebat, eam curam impendebat. — Что касается глагола συντάσσεσθαι, то онъ просто значитъ valedicere, прощаться.

флотъ, собиралъ военные запасы. А когда наступила весна, т. е. *весна слѣдующаго 972-го года* (ибо ранѣе была рѣчь о событіи, имѣвшемъ мѣсто въ Ноябрѣ 971-го года), то Цимисхій отправился наконецъ въ походъ противъ Святослава.

Но Н. П. Ламбинъ находитъ здѣсь другое, онъ соединяетъ самымъ тѣснымъ образомъ слова: δευτέρῳ ἔτει (во второй годъ) и ἔαρος ἐπιστάντος (когда наступила весна), и получаетъ весну 971-го года. Подкрѣпленіемъ служитъ образъ выраженія у Зонары: ἔτει δευτέρῳ τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἔαρος ἀναλάμψαντος ἐκστρατεύει κατὰ τῶν Ῥῶς σὺν στρατεύμασι πλείοσι καὶ στόλῳ περιφανεῖ[2]). Для насъ, напротивъ, слова Зонары вовсе не представляются тѣмъ, чѣмъ они кажутся Н. П. Ламбину. Въ нашихъ глазахъ— они только образецъ того, какъ самій ловкій компиляторъ способенъ, безъ всякаго злаго умысла, впадать самъ въ заблужденіе и вводить въ заблужденіе другихъ. Слова Зонары, очевидно, суть простое сокращеніе текста Скилиція—Кедрина: въ этомъ самый недовѣрчивый читатель долженъ будетъ убѣдиться, если онъ просмотритъ дальнѣйшее повѣствованіе Зонары сравнительно со Скилиціемъ-Кедриномъ. Сокращеніе сдѣлано небрежно и неудачно—вотъ и все, что мы можемъ сказать о вышеприведенныхъ строкахъ. Но, повторяемъ, онѣ важны для насъ какъ образецъ того, что мы имѣемъ право предполагать хотя-бы и не въ такой степени—и у другаго компилятора; т. е. у самаго Скилиція—Кедрина.

Получивъ, при помощи Зонары, для похода Цимисхіева весну 971-го года, Н. П. Ламбинъ разсуждаетъ далѣе такимъ образомъ: Такъ какъ извѣстіе о бракѣ Цимисхія на Ѳеодорѣ стоитъ у Скилиція-Кедрина выше предложенія, начинающагося словами «во второй годъ» (ἔτει δὲ δευτέρῳ), то, значитъ, этотъ бракъ совершился въ предыдущемъ году, т. е. въ первомъ году правленія Цимисхія (970 г.); другими словами: Скилицій-Кедринъ противо-

[2]) Во второй годъ своего царствованія, когда проблеснула весна, отправляется въ походъ противъ Русскихъ съ большими войсками и знатнымъ флотомъ.

рѣчитъ Льву Діакону и служитъ къ его опроверженію.—Совершенно напрасно. Болѣе внимательное изученіе взаимнаго отношенія между источниками показало бы, что здѣсь, въ разсказѣ о бракѣ и военныхъ приготовленіяхъ Цимисхія, Скилицій-Кедринъ пользуется двумя источниками—Львомъ Діакономъ и другимъ намъ неизвѣстнымъ, вѣроятно—современнымъ писателемъ. Есть фразы, напоминающія текстъ Льва Діакона; напримѣръ, въ описаніи военныхъ приготовленій: ἵνα μηδενὸς σπανίζοι τὸ στράτευμα = Leon. Diac. pag. 127 (въ началѣ): ὡς μήτινος τούτων—οἱ Ῥωμαῖοι σπανίζοιεν. Есть указанія на такіе факты, которые совершенно неизвѣстны намъ изъ Льва Діакона. Напримѣръ, друнгарій Левъ, завѣдывавшій морскимъ дѣломъ, вовсе не упомянутъ въ исторіи Льва Калойскаго. Что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого возможно вывести два предположенія. Мы можемъ думать, что Скилицій почерпнулъ свое извѣстіе о бракѣ у одного первоначальнаго писателя, а сущность своего разсказа о военныхъ приготовленіяхъ 971-го года—у другаго (первое у Льва, второе у потеряннаго анонима); и такъ какъ у того и у другаго порядокъ повѣствованія былъ не одинаковъ, а отмѣтка о второмъ годѣ царствованія Цимисхія повторялась въ различной связи, то онъ счелъ нужнымъ удержать ее только въ одномъ мѣстѣ—именно тамъ, гдѣ она показалась ему нужнѣе.. Возможно также и то, что при описаніи военныхъ приготовленій у анонима совсѣмъ не было прямой отмѣтки о годѣ и Скилицій приставилъ ее самъ, заимствовавъ ее у Льва Діакона и только переставивъ ее съ одного мѣста на другое, т. е. перенеся внизъ на нѣсколько строкъ. Послѣднее мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ и даже почти несомнѣннымъ. Мы могли бы привести нѣсколько наблюденій надъ текстомъ Скилилиція-Кедрина, доказывающихъ, что такія невинныя компиляторскіе продѣлки ему не чужды; но здѣсь для этого не мѣсто. Укажемъ одну ближайшую подробность. Основа повѣствованія о военныхъ приготовленіяхъ у Скилиція-Кедрина заимствована, какъ мы замѣтили, у анонимнаго первоначальнаго источника: объ этомъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ упомянутый здѣсь Левъ Друнгарій.

Но тѣмъ не менѣе кое-что вставлено въ разсказъ также изъ Льва Діакона. — Между тѣмъ Левъ Діаконъ прямо говоритъ, что военныя приготовленія шли одновременно съ брачными приготовленіями и пирами (pag. 127. Ἐν ᾧ δὲ ταῦτα παρεσκευάζετο Θεοδώραν — ὅ Ἰωάννης πρὸς γάμον ἡρμόσατο). Мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что самостоятельный современный авторъ писалъ съ болѣе яснымъ и отчетливымъ сознаніемъ того, что онъ пишетъ, съ болѣе точными представленіями о порядкѣ и послѣдовательности отдѣльныхъ фактовъ, чѣмъ компиляторъ, вырывающій отдѣльныя фразы то изъ одной, то изъ другой книги, и не имѣющій никакого личнаго непосредственнаго представленія о давно минувшемъ, а смотрящій на него черезъ двойную призму, отъ которой у него мутится, а иногда и двоится въ глазахъ.

4) Возвращаемся къ вопросу о причинахъ бездѣятельности Цимисхія и Святослава въ 971-мъ году. Помимо бунта Варды Фоки, который вспыхнулъ именно тогда, когда сдѣланы были приготовленія для первоначально предполагавшагося на 971-й годъ похода противъ Русскихъ, и продолжался, конечно, долѣе, чѣмъ это думается Н. П. Ламбину [1]), помимо указаній на большія приготовленія, снова дѣлавшіяся осенью этого года, *бездѣятельность* Цимисхія можетъ быть объяснена многими другими соображеніями. Отъ всякихъ соображеній внутренней вѣроятности и невѣроятности мы, впрочемъ, отказываемся. Весь вопросъ опять въ свойствѣ и качествѣ нашихъ источниковъ. Нужно помнить, что они имѣютъ все-таки довольно фрагментарный характеръ, не разсказываютъ лѣтописно годъ за годомъ и день за днемъ, что дѣлалъ, что предпринималъ и особенно что предполагалъ дѣлать въ извѣстное время Цимисхій. Многое и при-

---

[1]) Leon. Diac. pag. 112. Ἐν ᾧ δὲ ταῦτα Ἰωάννῃ τῷ βασιλεῖ κατὰ τῶν Ῥῶς διεσπούδαστο, Βάρδας ὁ δοὺξ — — Ἐς νεωτερισμὸν ἀποκλίνας, — — φυγαδείᾳ ἐχρήσατο. Такія выраженія какъ τὴν Ἀσίαν κατατρέχων (pag 114) о Фокѣ и κατειληφὼς τὸ Λορύλαιον, ἐνταῦθα τὸν στρατόπεδον ἀνεκαλεῖτο (pag. 117) о Склирѣ противъ него отправленномъ, показываютъ, что дѣло шло не очень быстро. Дорилей есть городъ очень хорошо извѣстный въ исторіи крестовыхъ походовъ.

томъ весьма важное въ нихъ совершенно пройдено молчаніемъ. Пройдены молчаніемъ дѣла южно-итальянскія, которыя, однако, несомнѣнно весьма занимали Цимисхія. Извѣстно, что Никифоръ Фока оставилъ имперію въ открытой войнѣ съ Оттономъ I-мъ, что Ліутпрандъ уѣхалъ изъ Константинополя ни съ чѣмъ, сватовство Θеофаніи Романовны разстроилось. Но именно въ 971-мъ году были приведены къ концу переговоры относительно этого брака, именно въ началѣ 972-го года Θеофанія прибыла въ Италію для бракосочетанія съ Оттономъ II. Этого мало, съ дѣлами южно-итальянскими политически были связаны дѣла сарацинскія. Африканскіе сарацины, владѣвшіе Сициліей, были до сихъ поръ союзниками Византіи противъ западнаго императора. Примиреніе съ Оттономъ предвѣщало ссору между прежними союзниками или же было въ извѣстной степени слѣдствіемъ ея. Въ 969-мъ году Фатимиды утвердились въ Египтѣ, въ сентябрѣ этого года дѣлали завоеванія въ Сиріи и угрожали затѣмъ Антіохіи. Скилицій-Кедринъ (II, 383) говоритъ, что въ арміи, которая *долго* осаждала Антіохію, главную роль играли кареагеняне, т. е. африканскіе сарацины и что во главѣ ея стоялъ Зохаръ (Ζώχαρ), въ которомъ слѣдуетъ признать извѣстнаго строителя Каира, Фатимидскаго визиря Джаухара Djauhar) [1]). Положимъ, что эта долговременная осада Антіохіи, по Византійскимъ источникамъ, приходится на 970-й годъ, на первый годъ царствованія Цимисхія. Но вотъ несомнѣнное документальное доказательство, что и въ 971-мъ году императоръ Іоаннъ былъ озабоченъ дѣлами сарацинскими. Въ 971-мъ году, нѣсколько ранѣе іюля мѣсяца, были въ Венеціи нарочные имперскіе послы, запрещавшіе отъ имени государей Іоанна, Василія и Константина провозить оружіе и корабельный лѣсъ въ Сарацинскія области, угрожавшія нарушителямъ этого требованія гнѣвомъ императора и сожженіемъ перевозныхъ судовъ [2]). Итальян-

---

[1]) Amari, Storia dei Musulmani di Sicilia II, 284 и сл. Weil, Geschichte der Chalifen III, 9 и сл.

[2]) Decretum Venetorum de abrogando Saracenorum commercio: Fontes rerum

скіе источники прибавляютъ, что въ это время императоры Византійскіе думали о походѣ въ Азію для освобожденія Святой земли (ad recuperandam terram sanctum operam dare propusuevant)—въ сущности думалъ одинъ Іоаннъ Цимисхій, потому что другіе два императора упоминаются только для почета. — Обо всемъ этомъ, повторяемъ, нѣтъ ни одного слова въ Византійскихъ источникахъ. Предоставляя выводъ отсюда дальнѣйшихъ заключеній самому Н. П. Ламбину, мы только спросимъ его: думаетъ-ли онъ, что посольство въ Венецію было отправлено съ береговъ Дуная? Другими словами: не слѣдуетъ-ли изъ этого факта, что весною 971-го года Цимисхій былъ въ Константинополѣ и занятъ былъ въ это время чѣмъ-то другимъ, а не войною со Святославомъ?

Что же касается до Святослава и до причинъ *его* праздности въ 971-мъ году, то, собственно говоря, отвѣчать на этотъ вопросъ, если отвѣчать нужно,—не наша обязанность. Мы ограничимся слѣдующимъ замѣчаніемъ. По русской лѣтописи въ 970-мъ году Святославъ былъ въ Кіевѣ, а въ 971-мъ явился снова въ Болгаріи и боролся съ Цимисхіемъ. Если на мѣсто позднѣйшей лѣтописной отмѣтки, указывающей 971-й годъ, правильнѣе поставить 972-й, то очевидно, что и 970-й годъ нужно замѣнить 971-мъ; т. е. нужно предполагать, что лѣто 971-го года Святославъ провелъ въ Кіевѣ. — Смерть Ольги въ русскихъ источникахъ относится къ Іюлю 969-го=6477-го года; при этомъ прибавляется, что отъ ея крещенія прошло 15 лѣтъ (похвала Іакова Мниха) или по другимъ 14 (Тверская лѣтопись). Очевидно, ея крещеніе и пребываніе въ Константинополѣ при этомъ предполагается въ 955-мъ году, какъ это и стоитъ въ лѣтописи. Но не-

---

Austriacarum XII. pag. 25 и сл. документъ начинается такъ: In nomine Dei и проч. imperante domino Ioanne, magno imperatore, anno imperii ejus secundo, mense julio, indictione decima quarta.

Cum denique per hanc praedictam indictionem imperiales missi ab Joanne, Vavsillo et Constantino, sanctissimis imperatoribus, ad nos fuissent directi, inquirentes de lignamine vel armis, quae nostrae naves in Saracenorum terras portabant, et terribiliter minantes per gloriosissimi imperatoris verbum и т. д.

сомнѣнно, что на самомъ дѣлѣ Ольга была въ Константинополѣ и тамъ крестилась въ 957-мъ году. Прибавляя къ послѣдней цифрѣ 14 лѣтъ, получимъ 971.

5) Позволимъ себѣ еще разъ обратить противъ уважаемаго нами поборника Русской лѣтописи его собственное оружіе. Положимъ, что бунтъ Фоки, дѣла южно-италіянскія и сарацинскія не достаточны для того, чтобы наполнить второй годъ царствованія Цимисхія (т. е. 971-й годъ) и что къ этому же году, вопреки ясному свидѣтельству Льва Діакона, нужно отнести и походъ Дунайскій. — Но послѣ этого опрокинута будетъ вся дальнѣйшая хронологія царствованія Цимисхія. Н. П. Ламбинъ обязанъ тогда будетъ держать отвѣтъ предъ византинистами и не будетъ имѣть права сказать, что ему мало заботы объ ихъ затрудненіяхъ. Разсказавъ о тріумфѣ Цимисхія послѣ заключенія мира съ Русью и отмѣтивъ слѣдующую зиму, Левъ Діаконъ непосредственно затѣмъ (въ самомъ началѣ 10-й книги) говоритъ, что съ *наступленіемъ лѣта* Императоръ отправился въ походъ противъ агарянъ въ Сирію. Если Н. П. Ламбинъ не въ состояніи будетъ доказать, что Сирійскій походъ Цимисхія относился къ 972-му году, (а доказать этого нѣтъ никакой возможности), то мы будемъ допрашивать его: куда дѣвался въ исторіи Льва Діакона 972-й годъ? Что дѣлалъ, почему лѣнился въ этомъ году Цимисхій? Правда, что между окончаніемъ девятой книги Льва Діакона и началомъ десятой необходимо допустить нѣкоторый пропускъ. Но всетаки промежутокъ будетъ только въ одинъ годъ, а у Н. П. Ламбина будутъ пустыми цѣлыхъ два года: 972-й и 973-й, такъ что отъ одного изъ нихъ никакъ не останется ни малѣйшаго слѣда въ исторіи. Отыскать 973-й годъ у насъ есть полная возможность: нужно только обратиться къ арабскимъ и армянскимъ источникамъ, именно къ Матвѣю Эдесскому, и къ драгоцѣннымъ документамъ, тамъ приведеннымъ; разумѣемъ посланія самого Цимисхія къ царю и патріарху армянскимъ, въ которыхъ императоръ повѣствуетъ о своихъ дѣйствіяхъ въ Сиріи и Палестинѣ. — Что же касается 972-го года, то пусть тотъ, кто сдѣ-

лалъ этотъ годъ пустымъ, и старается наполнить его какими-либо событіями: мы не видимъ къ этому никакой возможности — помимо, конечно, Русской войны которая несомнѣнно къ нему относится.

Прилагаемъ общій хронологическій обзоръ царствованія Іоанна Цимисхія, оставляя въ сторонѣ частности, которыя потребовали бы довольно сложныхъ соображеній и касались-бы уже не годовъ, а дней и мѣсяцевъ [1]). Въ основаніе счета мы можемъ положить данныя, сообщаемыя Львомъ діакономъ. Нужно замѣтить, что этотъ писатель отмѣчаетъ преимущественно два времени года—зиму, когда военныя дѣйствія прекращались и весну, когда они обыкновенно начинались. Первая весна въ правленіе Цимисхія, весна 970 г., не отмѣчена прямо потому, что другой исходный пунктъ, самое начало царствованія Цимисхія, не слишкомъ далеко отъ нея отстоитъ и дѣлаетъ ненужными всякія другія указанія.

Зима 969—970 гг.

Вступленіе на престолъ Цимисхія, 11 декабря 969 г. Его коронованіе. Избраніе и посвященіе патріарха Антіохійскаго. Смерть патріарха Поліевкта и посвященіе его преемника Василія (13 февр. 970 г.). Другія внутреннія мѣры.

Leo Diac. 98—102. Cedren 11, 381, 382.

Весна 970 г.

Осада Антіохіи, завоеванной Византійцами въ послѣдній годъ предыдущаго царствованія, многочисленною арміею Сарацинъ, въ числѣ которыхъ были »*Карвагеняне подъ начальствомъ Зохара*» (см. выше). Осада затянулась на долгое время (Cedren. 11, 383); кромѣ войскъ, стоявшихъ въ Азіи, туда отправлены были и другія, подъ начальствомъ патриція Николая.

Cedren. 11, 383. Leo Diac p. 103. Cp. Weil, Gesch. der Chalifen 11, 19.

Въ это же время Цимисхій ведетъ переговоры съ Русскимъ княземъ и старается склонить его къ оставленію Болгаріи: *двукратное* посольство и угрожающій отвѣтъ Святослава.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи хронологія Муральта потребовала бы не только дополненій, но и поправокъ.

Leo Diac. p. 103. Cedren 11, 383. Zonar. IV, 93 (ed. Dindorf). Левъ Діаконъ прямо противополагаетъ военныя дѣйствія противъ Сарацинъ, переговорамъ со Святославомъ: противъ первыхъ отправлены войска, а со Святославомъ рѣшено вести переговоры (ἔγνω διαχηρυκεύεσθαι).

Лѣто 970 г.

Лѣтомъ этого года, императоръ Оттонъ I возобновляетъ свои враждебныя дѣйствія: онъ вторгнулся въ Греческую Апулію и подвергъ страну опустошенію. Къ концу лѣта или же осенью прибыло сюда посольство отъ Цимисхія, во главѣ котораго стоялъ Пандульфъ, князь Беневента и Капуи, содержавшійся въ плѣну въ Константинополѣ. При его посредствѣ заключенъ былъ договоръ, на основаніи котораго Оттонъ оставилъ Апулію, получивъ, конечно, обѣщаніе относительно руки Ѳеофано Романовны.

Chronic. Salernit. c. 174. Cp. Giesebrecht, Gesch. der Kaiserzeit 1, 553 (4-го изд.). E. Dümmler, Kaiser Otto der Grosse (1876) pag. 473. 474.

Осень 970 г.

Вѣроятно уже послѣ отраженія Сарацинскаго нашествія, Цимисхій отправляетъ патриція Петра и магистра Варду Склира къ границамъ Болгаріи, для того чтобы они наблюдали за дѣйствіями Русскихъ. Войска, для этого назначенныя, прибыли съ востока, т. е. изъ Азіи, и предполагалось, что, до открытія рѣшительныхъ дѣйствій, они будутъ *зимовать* въ Европѣ.

Leo Diac. p. 107. 108. τὰς δυνάμεις ἀνειληφότας διαβαίνειν· ἐκεῖ τε διαχειμάζειν..... τὴν Εὐρώπην καταλαμβάνουσιν Cedren II. 384: τὰς ἑῴας δυνάμεις.

Сраженіе при Аркадіополѣ [1]). Оно вызвано не нападеніемъ Византійцевъ, а движеніемъ впередъ Русскихъ, которые услышали о переправѣ противъ нихъ войска.

Leo Diac. p. 108: τούτων ἐνωτισθέντες διάβασιν. Cedren. 11, 384. οἱ Ῥῶς — ἀκούσαντες τὴν περαίωσιν. Zonar. IV. 94.

Зима 970—971 гг.

Не смотря на одержанную побѣду, Цимисхій торопитъ переправу и другихъ войскъ изъ Азіи, которыя опять-таки должны были *зимовать* во Ѳракіи и Македоніи. Впрочемъ зима уже приходила къ концу и приближалась *весна*, когда самъ Цимисхій долженъ былъ прибыть къ арміи.

Leo Diac. p. 111. τὰς Ἀσίας δυνάμεις εἰς τὴν Εὐρώπην διὰ τοῦ Ἑλλησπόντου περαιοῦσθαι κατηπείγεν..... περιμένειν τὸν τοῦ ἤρους καιρόν. ἐκείνου γὰρ ἤδη..... προκύπτοντος. Cedren. 11, 388 — кончается описаніе сраженія, но не говорится о дальнѣйшемъ вызовѣ войскъ.

---

[1]) У насъ принято писать въ мѣсто Аркадіополя Адріанополь; но Аркадіополь со всѣмъ другой городъ на Ю. В., отъ Адріанополя (нынѣшній Люле-Бургасъ).

Весна 971 г.

Когда все было готово, на Востокѣ вспыхнулъ бунтъ Варды Фоки — очевидно тѣмъ болѣе опасный, что бо́льшая часть войска была переправлена въ Европу. Поднявъ знамя возмущенія въ Кесаріи Каппадокійской, Фока безпрепятственно опустошаетъ (Малую) Азію (τὴν Ἀσίαν κατατρέχων и т. д. Leo Diac. p. 114).

Рѣшительныя дѣйствія противъ Русскихъ по необходимости отложены; Склиръ получаетъ приказаніе, оставивъ Ѳракію и Русскихъ, переправиться въ Азію, взявъ съ собою достаточное количество войска.

Leo. Diac. p. 112. ἐν ᾧ δὲ ταῦτα — κατὰ τῶν Ῥῶς διεσπούδαστο и т д. Cedren. 11, 388. γράμματα ἐφοίτα βασιλικά.... ἐς τὴν Ἀσίαν κελεύει περαιωθῆναι, τὰ πρὸς τὸν προκείμενον ἀρκοῦντα ἀγῶνα εἰληφότα στρατεύματα. Ср. Leo. Diac. p. 117.

Прибывъ въ Дорилей (τὸ Δορύλαιον) Склиръ организуетъ здѣсь армію, состоящую, вѣроятно, изъ приведеннаго имъ отряда и мѣстныхъ ополченій, нуждавшихся еще въ обученіи. Только когда собранныя силы оказались достаточными, онъ обратился къ Фокѣ съ приглашеніемъ положить оружіе. Получивъ отказъ, онъ двинулся впередъ въ Каппадокію, гдѣ и рѣшилось дѣло.

Leo Diac. p. 113 — 125. Cedren 11, 389 и сл. Крѣпость, въ которой искалъ спасенія Фока, названа у послѣдняго Τυροποιόν (pag. 390); она находилась въ Каппадокіи (См. Attaliot. pp. 171. 172).

Лѣто 971 г.

Въ іюлѣ этого года прибыли въ Венецію послы Восточныхъ императоровъ (Цимисхія, Василія и Константина) съ запретомъ доставлять оружіе и военныя средства Сарацинамъ. По словамъ хроники Дандоло въ Цареградѣ думали теперь объ освобожденіи Св. земли.

См. выше приведенный отрывокъ изъ decretum Venetorum и Chronica Danduli (Murat. SS. XII, 210).

Осень 971 г.

Послѣ удаленія Склира Русскіе почти безпрепятственно дѣлали набѣги на Македонію, такъ какъ войско, оставшееся здѣсь подъ начальствомъ Іоанна Куркуаса, было, очевидно, недостаточно, да и самъ военачальникъ оказался неспособнымъ человѣкомъ. Цимисхій сознавалъ необходимость новаго напряженія и рѣшительнаго похода противъ Русскихъ. Варда Склиръ, по усмиреніи возстанія въ Азіи, получилъ приказаніе снова переправиться съ своими войсками въ Европу, чтобы расположиться тамъ на *зимнихъ* квартирахъ въ ожиданіи *весенняго* похода. Въ тоже время дѣлаются другія приготовленія.

Leo Diac. p. 126. εἰς τὴν Εὐρώπην διὰ τοῦ ἑλλησπόντου διαπεραν, χειμεριοῦντα πρὸς τὰ ἐκεῖσε χειμάδια. Cedren. 11, 392. μετὰ τῶν κουφῶν ταγ-